

Рита Навьер

Одна на милион

«Литнет»

2019

Навьер Р.

Одна на миллион / Р. Навьер — «Литнет», 2019

Я молодая, красивая и могу позволить себе всё, что пожелаю. А если какой-то наглец посмеет за мной приударить, то я быстро поставлю его на место. Но однажды отец решил, что мне пора взяться за ум и вынудил пойти работать. А самое ужасное, что моим начальником оказался тот самый наглец...

© Навьер Р., 2019

© Литнет, 2019

Содержание

1	5
2	9
3	12
4	14
5	16
6	18
7	21
8	23
9	24
10	26
11	29
12	31
13	34
14	36
15	39
16	41
17	44
18	47
19	52
20	56
21	58
22	61
23	64
Конец ознакомительного фрагмента.	66

1

Я ликовала. Это был успех. Триумф! Я и чувствовала себя триумфатором. Потому что сделала то, что не сумел даже мой отец.

Пока ехала в такси, с наслаждением представляла, как вытянется от удивления его лицо, как будут кусать локти от зависти мои дорогие коллеги и, конечно, как искренне обрадуется Соболев. Мой Соболев. Хотя, конечно, сначала тоже удивится.

Да мне и самой до сих пор не верилось, как неожиданно легко получилось то, что безуспешно пытались сделать многие. Причём удалось не просто взять интервью у самого Кравитца, - лично, без всяких там его пресс-секретарей, которые и близко к нему никого не подпускают - но и заручиться его твёрдым согласием подписать контракт с отцовским «Мегатэком». Это победа. И прежде всего, победа в нашей негласной войне с отцом.

Сообщать по телефону радостную весть ни отцу, ни Соболеву я не стала, хотя и изнемогала от нетерпения. Но такие вести хочется преподносить лично и наблюдать впечатление.

Наконец, такси остановилось у центрального входа «Мегатэк». Я влетела в холл, едва не поскользнувшись на глянцевом полу. Россыпь точечных светильников отражались на его гладкой поверхности так ярко, что почти слепило. Огромные настенные часы показывали без четверти семь.

Чёрт, из-за пробок на мосту не успела приехать до конца рабочего дня. Ну, ничего, Соболев всё равно никогда не уходит вовремя, а отец так тем более вечно задерживается допоздна. Потому что днём он обычно разъезжает по объектам или торчит на заводе, а в головном офисе появляется только утром и уже вечером.

Немного поколебавшись, я поднялась на лифте на шестой этаж. Сначала поделюсь с Соболевым, а уж потом расскажу отцу.

Я подходила к его кабинету и чувствовала, как с каждым шагом стремительно учащается пульс, как внутри разливается тягучее тепло и в груди вибрирует лёгкая дрожь. Реакция моего организма на Соболева неизменна и мне не подвластна, хотя обычно я старательно её скрываю от всех и от него - в первую очередь.

Но сейчас... сейчас я так рада и так горда собой, - чёрт, впервые в жизни я именно горда собой! - что больше не хочу притворяться. Не хочу делать вид, что он мне безразличен. Я замерла на секунду у его двери, предвкушая, как он посмотрит на меня, как в чёрных глазах снова полыхнёт огонь, и сердце сладко сжалось.

Я потянула ручку, но кабинет оказался заперт. Постучала - тишина. Где он? Неужели ушёл? Я разочарованно выдохнула. А, может, Соболев спустился к нам в отдел? С проверкой, например. Или дать задания назавтра.

Зачем гадать? Можно ведь и позвонить. Я набрала его номер, но вместо гудков услышала: абонент недоступен. Вот же досада! Зато увидела кучу пропущенных от отца. Ну да, во время интервью с Кравитцем звук я отключила и, как всегда, забыла потом включить. Но отец куда не денется, а вот увидеть Соболева, причём как можно скорее, для меня как будто стало жизненно важным.

Я шла по коридору к лифту, и сердце понемногу успокаивалось.

Однако в нашем кабинете Соболева тоже не оказалось. Там вообще сидела лишь одна Марина, менеджер по рекламе, и что-то обсуждала по телефону. Остальные, очевидно, уже разбрелись по домам.

Марина, увидев меня, прикрыла трубку ладонью и зашептала:

- Подожди минуту!

Я устало опустилась в своё кресло. Ладно подожду. Если Соболев ушёл, то и мне торопиться некуда. И всё же я снова его набрала, и опять - тщетно. Недоступен. До чего же удручающее слово, особенно когда абонент так тебе нужен!

Наконец Марина закончила свои переговоры, водрузила трубку на место и неожиданно сухо сказала:

- Тебя Сергей Иванович срочно вызывал. Иди прямо сейчас, он тебя ждёт. Уже несколько раз звонил, спрашивал, пришла ли ты.

Я пожала плечами.

- Да, отец и мне звонил, но я занята была. Сейчас поднимусь к нему. А Соболев уже ушёл?

- Да, - она отвернулась к монитору, но от меня не ускользнул её мимолётный неприязненный взгляд. Я озадачилась.

Не секрет и не новость, что в отделе меня недолюбливают, особенно девочки. Они обожают Соболева, они его чуть ли не боготворят. Причём подозреваю, что не только как начальника, но и как мужчину. Когда он заходит к нам в отдел, а это несколько раз в день, они слушают его, открыв рты, пожирают глазами, как голодные кошки, млеют и превращаются в слабоумных. И потом ещё несколько минут после его ухода сидят и блаженно улыбаются. И уж конечно, от них не укрылись наши взгляды и наши двусмысленные диалоги.

Однако Марина - единственная, с кем у меня сложились вполне тёплые и даже, можно сказать, дружеские отношения.

Она тоже любит Соболева, - ну а кто его здесь не любит? - но видит в нём только босса, доброго, красивого, весёлого, обаятельного, но всё же только босса. А мужчина в её жизни лишь один - Маринкин жених.

Марина не раз меня выручала. Поначалу подсказывала, что и как надо делать, когда все остальные посмеивались, вступалась за меня, даже когда я откровенно косячила. Ну и я тоже относилась к ней хорошо. Но теперь-то что не так? Меня не было в офисе всего полдня, что могло произойти за это время?

- Марина, что-то случилось? - подойдя к её столу, спросила я прямо. - Я тебя чем-то обидела?

- Не понимаю, о чём ты, - не глядя, ответила она.

- Ну я же вижу.

Я встала перед ней, скрестив на груди руки. Буквально над ней нависла, показывая, что не уйду, пока она не даст объяснения. Она, конечно, не вытерпела.

- Извини, мне сейчас некогда, - пробурчала она. - А тебя ждёт Сергей Иванович.

- То есть ты не хочешь со мной разговаривать?

Она посмотрела мне в глаза, но взгляд мой не выдержала, отвернулась.

- Я не хочу с тобой разговаривать. Извини.

- А причину узнать можно? - надменно поинтересовалась я.

Но надменность тут - всего лишь маска. Поскольку, что уж скрывать, её тон и её слова меня уязвили, вот уж ей я точно ничего плохого не делала. Однако и показывать свою обиду я не собралась. Ещё чего!

Ответить она не успела, ей опять позвонили. Марина с явным облегчением потянулась за трубкой, но я её опередила. Приподняла первую и тут же опустила на рычаг.

- Я не уйду, пока ты не объяснишь, что я тебе такого сделала.

Она посмотрела на меня как на врага и вдруг выдала:

- Не мне. А что - думаю, ты и так знаешь.

Но я не знаю! Я растерялась. Стала судорожно перебирать в памяти все мои косяки, нарочные и нечаянные, но всё это когда себе было! Сейчас-то я уже не такая, я давно ничего плохого не делала, наоборот, стараюсь, постоянно стараюсь, из кожи вон лезу...

Может, какая-то старая моя выходка неожиданно аукнулась? Но ничего такого, чтобы уж из ряда вон, я не делала даже в свои «лучшие» дни.

- Знаешь, Лина, я всегда была на твоей стороне, - произнесла Марина таким тоном, будто я родину предала. - Я понимала, как тебе трудно было привыкнуть и так кардинально поменять свою жизнь. Все в нашем отделе, да и, наверное, во всём офисе, считали тебя высокомерной избалованной мажоркой, без совести, без принципов, которой плевать на чужие чувства. Но Соболев всегда в тебя верил. Он всегда говорил, что ты просто совсем другая, не похожая на нас, вообще ни на кого не похожая. Но, наверное, девчонки оказались правы, и он просто видел в тебе то, что хотел видеть...

- Что за ерунду ты городишь?

Снова раздалась телефонная трель, только теперь звонили ей на сотовый.

- Да, Сергей Иванович, - ответила на звонок Марина, предварительно откатившись в кресле подальше, как будто опасалась, что я наброшусь на неё и вырву мобильный из рук. - Да, она пришла... здесь... я ей передала.

Потом взглянула на меня и сухо повторила:

- Сергей Иванович требует тебя немедленно.

В полнейшем недоумении я отправилась к отцу. Что имела в виду Марина - я так и не поняла. Несла какой-то несуразный пафосный бред. Однако этот бред изрядно меня расстроил...

В приёмной тоже было пусто, и хорошо. Стукнув пару раз для приличия, я вошла в отцовский кабинет, молча села в кресло перед его столом, закинув ногу на ногу.

- Ну наконец-то, - процедил он недобро. - Соизволила явиться.

- Я, вообще-то, делом была занята...

- Я в курсе твоих дел, - перебил меня отец. - Сдай мне пропуск. Больше ты здесь не работаешь.

От неожиданности у меня вырвался из груди нечленораздельный звук. Я поднялась с кресла.

- Это почему? С какой стати? Что, вообще, такое? Знаешь, а я не желаю увольняться!

- Сейчас у меня нет ни времени, ни желания обсуждать всё это. Мы ещё поговорим с тобой, но позже, дома. Однако ты, как всегда, бесподобна. Натворить дел, а потом невинно спрашивать: что такое?

Я выпрямилась и холодно сказала:

- Мой непосредственный начальник - Соболев. Вот пусть он меня и увольняет.

Отец вздёрнул удивлённо брови, затем, хмыкнув, покачал головой.

- Соболев тебя и увольняет. То есть, не совсем так. Точнее, Вадим Сергеевич поставил меня перед выбором: или он, или ты. И я был бы идиотом, если бы предпочёл одному из лучших своих сотрудников тебя, непутёвую дочь, за которую я только и делаю что краснею. Но, к счастью, я не идиот. Так что, дорогая моя, сдай пропуск и до свидания.

Несколько бесконечно долгих секунд я просто стояла, окаменев, и таращилась на отца, не в силах поверить, что он всерьёз.

Соболев не мог так со мной поступить! Да и не за что ведь.

Однако мой отец не шутил. Мой отец вообще никогда не шутит.

- Но я же ничего такого не сделала. За что? - пролепетала я срывающимся голосом.

- Давай только без этого. Не виноватая я, он сам пришёл. Слышали уже и не раз, - раздражённо произнёс отец. - Сдай пропуск по-хорошему и езжай домой.

Я сглотнула подступивший к горлу ком. Открыла сумочку, с трудом нашарила в её недрах пропуск. Швырнула на стол перед ним и, развернувшись, вылетела из кабинета отца, а спустя пару минут - и из здания. Была бы моя воля, я бы и из города умчалась.

А, может, так и сделать? Нет, сначала я хочу выяснить, что произошло, а потом... Потом и разберусь, что делать дальше.

2

За четыре месяца до этого

Мама всегда говорила: «Больше всего на свете не хочу быть старой. Уж лучше погибнуть в самом расцвете, чем видеть, как уходит молодость и красота. Нет, правда, это было бы даже здорово - уйти быстро, ярко и внезапно».

Подобные разговоры она обычно вела, сидя перед зеркалом. Почему-то моя весёлая, неугомонная мама, созерцая своё отражение, частенько впадала в меланхолию и начинала говорить о смерти. Жизнь свою она сравнивала с полётом кометы, и медленное дряхление в эту картину никак не вписывалось.

«Нет, ты только представь, какая я буду старая! Ой, нет, лучше не представляй!» - вздыхала она горестно, хотя на её прекрасном лице пока не наблюдалось никаких следов увядания.

Время для неё как будто остановилось. Белокурые локоны ещё не тронула седина, а безупречная кожа сияла здоровьем. Да что уж говорить - нас с ней нередко принимали за родных сестёр.

«Ты будешь красивой в любом возрасте. И я тебя буду любить всякой. И не только я», - отвечала я проникновенно, обнимая маму.

Вообще-то, к этим причитаниям я всерьёз не относилась, но это был самый верный способ их прекратить.

«Спасибо, золотце, - благодарно улыбалась мама, тотчас отстраняясь от меня и поправляя причёску. - Ты у меня прелесть, но всё равно... не дай бог дожить до старости».

Этой весной её странное желание исполнилось. Теперь ей не грозит старость. И вообще ничто не грозит.

Погибла она так, как и хотела - быстро, ярко и внезапно. Про страшное ДТП на Александровском тракте трубили все СМИ. Даже федеральные каналы показывали жуткие кадры, которые намертво въелись в мою память: оцепленный участок дороги, искореженные остовы автомобилей, мокрое полотно шоссе, усыпанное обломками, накрытые тела.

Мама и её новый друг Анатолий погибли на месте. Он был за рулём, не справился с управлением и влетел во встречную фуру.

Это так невероятно сложно не винить его и не проклинать за то, что оборвался полёт моей кометы...

Мамин новый друг был известным в городе адвокатом. У него и бюро своё имелось с нелепым названием - «Кошкин и ко».

Самое смешное то, что внешне Анатолий напоминал грызуна: маленькие блестящие глазки-пуговицы, длинный острый нос, большие круглые залысины и очень крупные передние зубы, как у Микки Мауса.

Помню, я чуть не расхохоталась вслух, когда узнала его фамилию. Ну и за глаза называла его исключительно Мышкиным, недоумевая, зачем моей красавице маме такой невзрачный тип.

На это мама резонно отвечала: «Кому нужны эти нищие мачо? А Толя обеспечивает нам с тобой безбедное существование, не то что твой отец-жмот».

А ещё Анатолий оказался женат. И вот это стало для меня большим сюрпризом. Ведь он маму на руках носил, осыпал дорогими подарками и буквально жил в нашем доме в Геологах. Я к нему даже успела привязаться, почти как к родному, хоть и посмеивалась над ним.

А тут вдруг всплыл весь набор: жена, дети. Точнее, сын, лет на несколько меня старше. Примчались вскоре после похорон ко мне вдвоём, он и его мать, крикливая, истеричная тётка. Требовали какие-то деньги (совершенно нереальную сумму), называли маму мошенницей и грозились судом.

Еле вытолкала обезумевшую вдову и этого напыщенного болвана за дверь. В другой раз я бы, пожалуй, и с лестницы могла их спустить, но тогда едва находила в себе силы просто дышать.

Мама всегда, сколько помню, называла отца скрягой. Не часто она его упоминала, но если уж - то только так.

К отцу я не питаю тёплых чувств, но, справедливости ради, стоит сказать, что не такой уж он и скряга. Когда они развелись двенадцать лет назад, он оставил маме новый дом в Геологах, на берегу залива, где мы с ней и жили. Пять комнат на двоих, небольшой садик перед домом, просторный гараж. Не дворец, конечно, но всё же... Не всякий бы так расщедрился, увидев воочию жену в постели с другим.

К тому же, это сейчас отец - владелец заводов-газет-пароходов (тут я немного утрирую, во всяком случае, насчёт пароходов, однако он и правда в последнее время очень неплохо развернулся), а тогда у него дела шли далеко не так бодро. Тогда он только начал расширять свой бизнес.

Помимо прочего, отец исправно перечислял энную сумму на моё содержание. Правда, мама фыркала: «Жалкие копейки... Нищим на паперти больше подают... Как не стыдно так мелочиться...».

При этом жили мы всё равно на широкую ногу. У мамы всегда находились друзья-мужчины, готовые раскошелиться на любую её, а заодно и мою, прихоть.

«Учись, девочка моя, - повторяла мама, - пользоваться своей внешностью, и тогда не пропадёшь».

Я и училась - благо живой образец всегда был перед глазами. Тут хочешь не хочешь, а непроизвольно копируешь манеры и походку, перенимаешь интонации, жесты, мимику.

Как губка я впитывала все нюансы и штрихи, повадки и суждения. И ещё в школе, класса с седьмого, начала пожинать плоды маминой науки.

За одну лишь улыбку и ласковый взгляд самые умные мальчишки в классе решали за меня математику и физику. Другие - наперебой приглашали в кафе и в кино.

Не скажу, что волочились прямо все поголовно, но треть - уж точно. И это я ещё не особо старалась. Правда, одноклассники меня невзлюбили, а некоторые и возненавидели, но мне было, честно говоря, плевать.

Блистала я и в вузе, правда, недолго. Вылетела с третьего курса за пропуски. Это мы с мамой укатали на три месяца в Грецию - она устала от холодной осени и зиму решила переждать в солнечных краях, как перелётная птица.

Вернулись мы весной, к самой сессии, которую я благополучно завалила. Был бы ещё факультет какой-нибудь попроще, но отец погнался за престижем и всунул меня на международный, а там с прогулами очень строго. Не учишься - до свидания. Можно было, конечно, попытаться пересдать, ну на худой конец, заплатить, но мама сказала: зачем?

Она и сразу, как только я поступила, изумлялась: «И охота тебе лучшие годы тратить на такую скуку? Корпеть часами над учебниками, зубрить - это же тоска смертная. Мне вот и без диплома прекрасно живётся».

И я вняла её совету. И ни разу не пожалела. Права мама, тысячу раз права: жизнь даётся один раз и спускать её на то, чему противиться вся твоя сущность - ну просто глупо.

Зато отец, узнав об отчислении, в кои-то веки самолично примчался к нам, в Геологи, и устроил обеим эпический разнос. Кричал так страшно, что, казалось, вот-вот ударит. Но мама этот напор выдержала с олимпийским спокойствием и на все его «пустоголовая стрекоза», «гадкая женщина, ужасная мать», «испортила дочь» и прочее подобное лишь безмятежно улыбалась.

Я вот так не могу и вряд ли когда-нибудь научусь, потому что хоть и пошла внешностью в маму, хоть и переняла её манеры, взгляды, вкусы, но куда денешь вспыльчивый и нетерпеливый характер - наследство отца. Я, как и он, принимаю всё близко к сердцу и остро, бурно реагирую.

В тот день мне от него тоже досталось. Я старалась быть как мама - оставаться спокойной и не воспринимать его оскорбления. Но продержалась недолго. Стоило ему сказать, что я выросла таким же ничтожеством, как моя мать, и вся моя выдержка лопнула как мыльный пузырь. Огрызаться ему я не осмелилась - он очень страшен в гневе. Просто вжалась в кресло под градом его ругательств и сидела, глотала слёзы. Когда он наконец убрался вон, прошипела: «Ненавижу!».

Мама обняла меня и весело рассмеялась: «Глупенькая. Стоит ли расстраиваться из-за чьих-то пустых слов, которые ровным счётом ничего не меняют? Собака лает, ветер уносит. Поедем-ка лучше с тобой по магазинам. Шопинг - лучшее средство от испорченного настроения. А потом перекусим в каком-нибудь шикарном месте».

Мама всегда умела превратить плохой день в хороший. Женщина-праздник, как называл её Анатолий. Тот, кто отнял её у меня...

3

Как же я тосковала по маме! Каждую чёртову секунду. Как же невыносимо болело моё сердце! Будто из него вырвали клочок.

Я страстно желала увидеть её ещё хоть раз. Молилась всем богам, какие ни на есть, чтобы мама явилась во сне. Но, как назло, она мне даже не снилась, ни разу. Не задумываясь, я отдала бы что угодно, лишь бы повернуть время вспять, лишь бы не отпустить её никуда в тот день, ну или поехать с ними вместе. Лучше уж так, чем остаться теперь совсем одной.

Нет, у меня, конечно, был отец, были друзья. Но отца я видела примерно раз в год и ничего хорошего от него не слышала, а друзья, наша развесёлая компания... с ними круто отрываться, спору нет.

С девчонками мы сплетничаем, обсуждаем парней, хвастаемся дорогими шмотками, ходим по салонам и бутикам, ну и всё, как обычно. Парни разбавляют наш женский хор, когда, например, завигаем в клубах или у кого-нибудь дома.

Но если тебе реально плохо, то как будто нет никого. Ну, почти.

Когда о том, что случилось с моей мамой, узнали наши, то все как один отписались в вайбере: это правда? жёсть! как ты? держись, Энжи!

Девчонки подкрепили слова сочувствия слезливыми смайликами. Угу, спасибо.

Из всех подруг одна Инга Старовойтова позвонила сама. Даже дважды позвонила. Но говорили мы неуклюже и скомкано: как ты? Да так. Может, надо что? Да нет. Она вздыхала, я всхлипывала.

А приехал провести меня из наших только Руслан Киселёв, но он - особый случай.

У нас с ним давняя и запутанная история. Сначала я, четырнадцатилетняя, по нему, восемнадцатилетнему, сходила с ума, а он фыркал: малолетками не интересуюсь. Зато потом, спустя три года, заинтересовался. Бегал, ухлёстывал, а у меня, наоборот, всё прошло.

После моего стотысячного «нет», Руслан переключился на Вику Лапшину, тоже из нашей компании, а я, оказывается, успела привыкнуть к его навязчивому вниманию. Или, может, такой поворот вдруг задел: как так, меня, единственную и неповторимую, и на второй план отодвинули?!

В общем, вернуть-то я его вернула, но у нас всё равно ничего не получилось. Попробовали - как-то не то, пресно. Он целует, а у меня эмоций - ноль, как будто мы с ним родственники. У него, наверное, так же.

Вот мы и решили остаться друзьями. И дружить у нас, пожалуй, получалось неплохо. Во всяком случае, мне с ним было легче и проще, чем со всеми остальными. Поэтому я даже и не удивилась, что Киселёв, один-единственный, примчался почти сразу. Обнимал, утешал, нёс всякую околесицу, чтобы вывести меня из ступора.

Ах, ну и отец, конечно же, явился. Вместе со своей новой женой, Верой. Она фальшиво сочувствовала. Он сухо распоряжался: вынос в три, транспорт, Смоленское кладбище, поминальный обед, ресторан «Наутилус»...

Лицо у самого - как гипсовая маска, в глазах - ни грусти, ни жалости. Он просто делал то, что должен. А по его понятиям, помогать дочери с похоронами он должен, проявлять эмоции - нет. А может, и не было у него никаких эмоций?

Уходя, не удержался, сказал: вот так и бывает. Так и заканчивают жизнь никчёмные, непутёвые люди.

В другой раз я бы, может, и промолчала как обычно. Потому что до сих пор, в свои двадцать два, я его немного побаивалась. В гневе отец неистов и тем страшен. Но и когда спокоен, рядом с ним не по себе. Он как хищник, мимо которого лучше вообще не ходить.

Но горе, оказывается, здорово притупляет базовые инстинкты.

- Не смей так о ней! - прикрикнула я на него.

Отец всколыхнулся, гипсовое лицо тотчас ожило, потемнело, ноздри раздулись, как у боевого быка, но тут сразу же подсуежилась Вера. Повисла у него на руке, залепетала:

- Серёжа, Серёжа, успокойся, держи себя в руках. У Линочки такое горе...

Голос у Веры шелестящий и приторный, мне аж скривиться захотелось. А отец - ничего, вник её призыву, ни слова больше не сказал, только метнул недобрый взгляд. Но к этому мы привычные, он на меня всегда только так и смотрит.

В «Наутилус» я не поехала, я даже не стала садиться ни в один из микроавтобусов, что организовал отец. Точнее, распорядился, чтобы были в нужном месте в нужный час одинаковые белые ниссаны с логотипом отцовского завода «Мегатэк» на боку, прямо как с конвейерной ленты.

Подозреваю, что и большинство «скорбящих», которые толпой набились в ритуальный зал, тоже из отцовской конторы. У мамы и знакомых-то столько не набралось бы, тем более женского пола, сколько возжелало прийти с ней проститься.

Вера, конечно, тоже была, даже слезу пустила. Так и хотелось крикнуть ей, в снулое лицо, чтобы приберегла свои дешёвые выступления для кого-нибудь другого. Еле вытерпела. Ради мамы вытерпела. Она не любила скандалы.

Хотя, может быть, я всё равно сорвалась бы, если б не Руслан Киселёв, который неотступно находился рядом, и стоило мне начать заводиться, он тотчас, словно чувствовал, ободряюще сжимал локоть и бубнил на ухо: тшшш, Энжи, не надо.

После похорон меня мутило: от трехдневной бессонницы, от безысходной тоски, от невыплаканных слёз и невысказанных слов. И особенно от удушливой фальши, которая как пыль осела на коже и забилась в лёгкие.

- Не поеду на поминки, не хочу, - сказала я.

Киселёв пожал плечами, выудил сотовый, вызвал такси. И мы вдвоём побрели к воротам кладбища, плутая по расхлябанным от весенней жижи дорожкам.

Весна в этом году страшно тормозила. Двадцать девятое апреля - и, пожалуйста, кругом сплошное месиво из талого снега и грязи. В городе ещё ничего, а среди деревьев так и вовсе лежат сугробы, едва тронутые чёрным налётом.

Пока вышли к трассе, я насквозь ноги промочила. Ноги, ладно, высохнут, а вот новые замшевые сапоги бесповоротно испорчены, только выбросить осталось.

Я чуть не сказала это вслух, но осеклась, испытав укол вины. Странно, что мне вообще о таком подумалось. Мне ведь дела нет ни до каких сапог. Мне надо придумать, как жить дальше. Без неё.

Не знаю, заметил ли отец моё отсутствие в ресторане. Он вместе с Верой умчался на своём Гелендвагене одним из первых. А даже если и заметил - плевать.

Я вдруг поймала себя на мысли, что совершенно перестала бояться отца. Просто как отрезало.

4

Наши настырно пытались вытянуть меня на какую-то закрытую вечеринку в London Pub. Звонили раз пять: будет круто и незаурядно, будет какой-то модный забугорный диджей. Не пойдёшь? Как? Почему? Ах это... Но уже ведь больше месяца прошло! Жизнь-то продолжается!

Не знаю, у меня было ощущение, что жизнь остановилась. Я дышу и двигаюсь, но на самом деле я будто замерла в одной временной точке, застыла, как муха в янтаре. Я даже не заметила, что прошло четыре с лишним недели, что на дворе уже лето.

Сутки напролёт я слонялась по дому или валялась на диване, поглощая очередной тупой сериал. Изредка выходила на улицу, да и то лишь до ближайшего супермаркета.

Первое время я спала в маминой комнате, на маминой кровати, пропахшей её духами. Потом, наоборот, стала замечать за собой, что стараюсь к ней не заглядывать, а личные вещи убираю с глаз. Я не пыталась её забыть, это и невозможно. Просто натываясь на всякие мелочи, вроде пеньюара, щётки для волос или помады, я каждый раз тихо умираю...

Руслан Киселёв появился ко мне на другой день после той вечеринки в London Pub, на которую я наотрез отказалась идти. Пришёл, как он сказал, проверить, жива ли я, здорова, не тронулась ли случайно умом.

Ну конечно, прежде я на такие мероприятия мчалась в первых рядах и вообще обожала потусить, а тут вдруг стала затворницей.

- Энжи, тебе надо отвлечься. Надо-надо, не спорь, - рассеянно пробормотал Руслан, ошалело оглядывая захлавленную гостиную. Остановился взглядом на пустых коробках из-под пищи. - Ну... хоть ела, уже хорошо.

Я слегка смутилась. Ну да, мне было как-то не до уборки. Впрочем, уж кого-кого, а Киселёва неприбранной комнатой не удивишь, он сам мастер разводить бардак.

- Давай куда-нибудь съездим, тебе реально надо встряхнуться, - настаивал он, уже полностью освоившись.

Я вяло отнекивалась: не могу, не хочется, со мной и так всё в порядке, да и куда я без причёски, без маникюра. Но Руслан все мои доводы с ходу отметал, как, впрочем, я отметала все его предложения.

В конце концов я просто устала спорить, а у него, видать, иссяк запас мест, куда можно ехать развлекаться, потому мы сошлись на том, чтобы просто отдохнуть у залива.

- Попьём на берегу пивко, чем не отдых?

- Ну, можно... - сдалась я.

Руслан ждал меня в гостиной, пока я тщетно пыталась привести себя в божеский вид. Ну хотя бы сотворить подобие нормальной причёски.

Это ж надо было так себя запустить, ругалась я на собственное отражение, пытаюсь расчесать спутанные пряди.

Хорошо, что Руслан нагрязнул один, не прихватил кого-нибудь из наших, например. Иначе был бы не просто конфуз, было бы жуткое позорище. Руслана я, по крайней мере, стыжусь меньше других - он меня за эти годы видел всякой. И мусолить потом с другими у меня за спиной, какая я стала ужасная, не станет. Но всё равно даже с ним как-то не по себе, когда я не во всеоружии.

Пока я терзала щёткой волосы, Киселёв похозьяничал на кухне и успел сварганить несколько бутербродов из позавчерашнего хлеба и ветчины - единственное съестное, что можно было взять у меня в холодильнике без страха отравиться.

По пути мы завернули в магазин, потому что без пива, по мысли Руслана, полноценного релакса не получится. Я не возражала, хоть и, признаться, не любитель пива. Во-первых, из-за мамы. Она пусть и не запрещала мне ничего, но всегда твердила: алкоголь - первейший враг красоты и молодости. А во-вторых, горькое оно, это пиво, мне не нравится. Другое дело - коктейли, но для пикника это не вариант. Поэтому затарившись упаковкой крафтового лагеря, мы спустились к Ершовскому заливу.

Такие вот вылазки на природу я не очень люблю, но в начале июня жара ещё не настолько изнуряющая, и от воды приятно веяло свежестью. Правда, неподалёку галдели дети, барахтались у берега, но после тишины и одиночества их визг меня не раздражал, а даже наоборот было приятно. Так что под пиво и легкомысленный трёп Руслана мы вполне неплохо скоротали время.

И я вдруг поймала себя на мысли, что мне нравится этот момент - здесь и сейчас, и не хочется, чтобы он заканчивался, и ещё больше не хочется возвращаться домой. Во всяком случае, одной.

Наверное, поэтому ко мне мы вернулись оба. И вернулись уже хорошо затемно. Конечно же, не с пустыми руками - вновь запаслись по дороге алкоголем под завязку и полночи этот самый запас истребляли. Мешали водку с колой, кажется, что-то ещё - я помню смутно. Зато помню, что мне было легко и хорошо, хоть, наверное, это стыдно и неправильно - ведь её нет, а я живу и вон даже веселюсь.

- О, вижу наша Энжи возвращается, - довольно мурлыкал Руслан. - А то, после прошлого раза, я боялся, что ты, подруга, потеряна для общества навсегда.

Прошлый раз, о котором помянул Руслан, был три недели назад - девять дней, как мамы не стало. Киселёв так же пришёл в гости, и мы полночи хлестали виски с апельсиновым соком. Хотя, скорее, апельсиновый сок с виски. Я топила горе, он - составлял мне компанию. Хотя на самом деле, я так подозреваю, пил Руслан едва-едва, больше приглядывал за мной: утирал слёзы, слушал мои причитания, поддакивал, утешал, ну и следил, чтобы я не сорвалась и не вытворила что-нибудь этакое, за что потом буду рвать волосы.

Увы, это я могу - вытворить, когда выпью сверх меры. И пусть такое было один-единственный раз - три года назад на дне рождения Инги Старовойтовой, но мне хватило навсегда.

5

Тогда, три года назад, Инга Старовойтова собрала нас в VIP-персоне - клуб модный и очень пафосный: вышколенный персонал, изысканный антураж, манерная публика, никакой гопоты, наезжающих на каждого, кто не так посмотрел, никаких барыг, толкающих колёса по углам, никаких пьяных парочек в уборных.

Даже охранники больше похожи на гангстеров времён Великой депрессии только без шляп и без Томпсонов через плечо: сплошь чёрные тройки, галстуки, начищенные туфли и непроницаемые лица.

И вот в таком благопристойном заведении я умудрилась показать себя во всей красе. Напилась - ещё тогда по неопытности, впервые в жизни - и отплясывала... так по-дурацки, жуть. Потом вообще упала, кто-то меня поднял, и я продолжила дальше исполнять идиотские пируэты. А позже, видимо, утомившись, раскинулась на диванчике, тоже так, не особо изящно. Ещё и на блузке пуговицы почему-то оказались застёгнуты наперекосы.

Но самое ужасное - это лицо. Оно было просто омерзительное, как бы я себя ни любила. Такое неменяемое, с поплывшим макияжем, с открытым ртом и стеклянными глазами. Брр! Гадкое-прегадкое зрелище! Даже меня передёрнуло от отвращения.

Откуда я это знаю? Видела. Потому что какая-то сволочь отсняла мои выкрутасы, а затем весь этот позор выложила в сеть, всему миру на обозрение.

Кто-то из наших кинул мне ссылку на ютубе - любуйся, звезда рунета! Сколько просмотров за один день!

До сих пор вспоминать стыдно и тошно. Я и просто смотреть те кадры без мучительного содрогания не могу, а там ведь под видео ещё и комментарии были просто смертоубийственные. Километровая лента отборных... эпитетов и пожеланий стать бесплодной, сдохнуть, вообще не рождаться.

Хорошо, что мама и отец про тот ролик ничего не узнали. Потому что если б это увидел отец - он бы сразу меня убил, а если б мама - я бы сама умерла.

С того дня два года я не пила ничего крепче кофе, чем страшно раздражала всех в нашей компании. Вика Лапшина даже пыталась тайком подлить мне водку в сок, только я сразу ощутила посторонний привкус.

Ну а теперь стараюсь если и пить, то лайтовое и немного. Хотя бывают исключения, бывают... Вот как на девять дней. Или как сегодня.

А всё потому что я потеряла свою опору, мне не за что держаться и мне на всё плевать. И на себя, и на окружающих. Иногда даже хочется устроить что-нибудь этакое, чтобы всех шокировать, а некоторых - очень-очень огорчить. И чем хуже - тем лучше.

Но Киселёв бдит. У него как-то легко и просто получается ладить со мной, в каком бы состоянии и настроении я ни находилась, а потому удерживает от всяких необдуманных поступков.

- Спасибо тебе, Русланчик, - прочувствованно сказала я. - Если бы не ты, я бы так и торчала тут одна, грузилась бы, как обычно. А ты подарил мне желание жить.

Киселёв лишь снисходительно улыбнулся на мой пьяный пафос.

- Нет, правда! - настаивала я. - Ты не понимаешь. Я каждый день хотела умереть. То есть не хотела жить, это же немножко другое? Варианты там всякие самоубиться я не искала, но... А ты пришёл, вытянул меня на берег, накачал этим гадким пивом и мне полегчало. Мне хочется жить! Понимаешь? Ты - настоящий друг. Ты - единственный друг.

- Слушай, Энжи, есть и другие способы, если что. От них полегчает ещё больше. Ты не просто захочешь жить, ты летать захочешь.

Даже с поплывшим сознанием я поняла, что имел в виду Руслан под другими способами, ибо такое не впервые. Да и по карману джинсов он похлопал с конкретным намёком.

Он время от времени предлагает мне попробовать травку, не назойливо, даже вскользь, то как спасение от хандры, то ради нового опыта, то просто за компанию. И всегда за это получает подзатыльник.

- Вот что ты за человек, Киселёв? - скривилась я.

- Как это - что за человек? Я лучший и единственный друг, сама сказала.

- Такой момент испортил! Я тебе о высоком, а ты... есть другие способы, - передразнила его я.

- Да ладно тебе, Энжи. Ты не пробовала и не знаешь, так что как ты можешь судить? И великие умы травкой не гнушались. Тот же Кастанеда употреблял мескалин, чтобы познать себя в мире и мир в себе. А если б Льюис Кэрролл не принимал опиум...

- Ой всё, Киселёв. Давай лучше спать, а то поссоримся.

Меня и правда сморило, да и сквозь опущенные жалюзи пробивались полоски утреннего света.

- Двадцать минут седьмого, - констатировал Руслан, - самое время ложиться спать.

Стелить для него отдельно мне было лень, так что оба устроились на разобранном диване прямо в гостиной и тотчас провалились в тяжёлый хмельной сон. Однако недолгий.

И десяти утра не было, как нас разбудил шум: грубый, резкий окрик, голоса, шаги и, вроде, какая-то музыка. Точнее, меня разбудил - Киселёв продолжал дрыхнуть как ни в чём не бывало.

Я испуганно вскочила и захлопала глазами, сидя на диване.

В дверях стоял незнакомый мужчина, высокий брюнет, лет на пять меня старше, в тёмно-сером костюме и белой рубашке. Такой, в общем-то, ничего, очень ничего, даже для моего придирчивого вкуса. Только вот кто это и как он тут оказался?

Я уставилась на него во все глаза, не в силах вымолвить и слова от потрясения.

6

Я тарасилась на непрошенного гостя, а мысли лихорадочно скакали: господа, кто это? И как он сюда проник? Грабитель? Если так, то зачем устраивать шум? Да и костюмчик у него, сразу видно, слишком дорогой. И сам он весь такой... лощёный. Или это вор-эстет?

Нет, ерунда. В руках он держал фирменный пакет ОК, похоже, набитый провизией, что вообще не укладывалось ни в какую версию.

Незнакомец разглядывал меня беззастенчиво, а в чёрных глазах явственно читалось любопытство с примесью удивления. Чему, интересно, он удивляется? Тому, что видит меня в моём же доме?

Я в панике ткнула в бок Руслана, но тот простонал, не разлепляя век, и отвернулся к стене, явив вытатуированную на спине надпись *Scio erit in lecto fortissimus**.

Незнакомец надпись прочёл и, изогнув насмешливо чёрную бровь, хмыкнул. Неужто понимает латынь?

- Вы кто? - слыло пробормотала я, натягивая одеяло повыше, не решаясь встать с дивана.

Однако ответить брюнет не успел, потому что в гостиную стремительно вошёл отец. И тут мне совсем подурнело.

Это же надо было ему заявиться ни вчера, ни завтра, ни в любой другой день, а именно сегодня! В самый неудачный момент, какой только можно придумать.

Отец и раньше-то смотрел на меня всегда осуждающе, а теперь его лицо аж исказило от злости и презрения. Он оглядел царящий в комнате бардак и, когда увидел батарею бутылок под столиком, его перекосило ещё больше.

- И почему я даже не удивляюсь, - процедил он, брезгливо перешагивая через джинсы Киселёва, комом брошенные на полу. - Всё... веселишься?

Видно было, что отец хотел сказать другое слово, похлеще, припечатать, как он умеет, но в последний момент передумал. Видимо, присутствие постороннего его остановило.

Теперь я догадалась, что черноглазый - отцовский водила или охранник, ну, в общем, кто-то из его челяди.

- Вадим, там по коридору направо кухня, отнеси пакет туда, пожалуйста, и подожди меня в машине, - распорядился отец, и брюнет моментально скрылся, не попрощавшись.

Ну и зачем было тащить ко мне в дом чужого мужика? Можно подумать, пакеты весят центнер и три шага от машины отец сам бы не пронёс. Просто папочка вознёсся слишком высоко, вот и мнит себя царём. А таскать тяжести - оно, конечно, не царское дело.

- Это ещё кто? - отец кивнул на Руслана, вновь скроив брезгливую мину.

- Мой друг. Руслан. Ты его видел на похоронах.

- Угу, припоминаю. Видимо, провести время с этим... кхм... другом было для тебя важнее, чем сходить на поминки матери. Какая бы Адель ни была, но она твоя мать. И хотя бы ради приличия ты могла бы выказать хоть толику уважения к ней. Чужие люди и то...

- Ты зачем пришёл? - пресекла я отца, чувствуя, как внутри закипает даже не обида - гнев.

- Да вот, решил взглянуть, как ты тут, - говорил он сдержанно, но я видела, что тоже злится. - Заодно продуктов привезти беспутной дочери.

- А я не просила. Так что не стоило утруждаться, - с вызовом ответила я и тише добавила:

- И не стоило приезжать сюда.

Глаза его недобро сверкнули.

- В самом деле? Ты ещё будешь указывать, куда мне приезжать? Ты, которая из себя ничего не представляет. Полный ноль. Ничтожество. Пустое место.

- Не говори так со мной... - вякнула я, но отец уже вошёл в свою стихию.

- Тебе двадцать два. Ты ничего не умеешь, ни на что не способна. Ты даже выучиться не смогла. Ты можешь только пить, гулять, веселиться, ну и шляться по магазинам. Ты - трутень, паразит, никчёмное существо. Ещё и распутная, оказывается, - он брезгливо кивнул на Руслана.

- Да мы просто друзья, ничего такого у нас не было!

Отца, судя по его выражению, так и тянуло вывернуть содержимое желудка, но он с этим позывом боролся, хоть и с большим трудом.

- Ты даже мать свою бесстыжую переплюнула, та хотя бы не пила.

Меня уже колотило от рыданий, которые всеми силами сдерживала внутри. Пока ещё сдерживала.

- Ты оскорбляешь и унижаешь меня в моём же собственном доме! - надрывно произнесла я, когда он наконец замолк. - Я прошу тебя уйти.

Его лицо, грубое, с массивной квадратной челюстью, крупным носом, тёмными густыми бровями, неожиданно разгладилось. Губы изогнулись в усмешке.

- В твоём собственном доме? Ты в моём доме. Ты здесь живёшь по моей милости.

- Что за ерунда! Ты же этот дом подарил маме, когда вы развелись. И теперь он мой. Завещания у неё не было, но я...

Scio erit in lecto fortissimus* - на латыни "В постели я Геракл"

- Подарил? - хмыкнув, перебил он. - С какой стати? С чего бы мне дарить ей дом? За какие такие заслуги? За то, что она была дрянной женой и такой же дрянной матерью? Или за то, что не постыдилась привести любовника в супружескую спальню?

- Я понимаю, что у тебя есть причина злиться на маму, но она мертва. Можешь хотя бы теперь оставить её в покое?

- Это ты злишься, причём на правду. А я просто констатирую факты. Адель - дрянная женщина, дрянная жена и дрянная мать. Если бы не ты, я вышвырнул бы её тогда на улицу в одних трусах. И плевать мне было бы, что с ней станет. Но дочь есть дочь, поэтому и впустил Адель пожить здесь. Вместе с тобой. Чтобы у тебя, не у неё, а у тебя, была крыша над головой. И чтобы я мог приезжать, когда захочу, встречаться с тобой.

- Не очень-то часто ты хотел встречаться, - не удержалась я.

Прозвучало как упрёк, хотя на самом деле я только в детстве немного скучала по отцу, а лет с четырнадцати ненавидела те моменты, когда он нас навещал. К счастью, действительно очень редкие. Потому что его приезд знаменовал собой скандал и ругань в нашем тихом уютном доме. Впрочем, отец упрёк пропустил мимо ушей.

- Дарить же дом Адель у меня и мысли не было. Я пока ещё в своём уме. Так что по документам это моя собственность, и ты живёшь в моём доме, и приезжаю я к себе домой. И деньги, на которые ты живёшь, а точнее прожигаешь свою жизнь, тоже мои. Так что сбавь свой гонор.

Если честно, то от этой новости я просто онемела, ошарашенная. Мама никогда, даже полунамеком не говорила, что дом не её, что нас просто временно пустили пожить.

- Я виню себя за то, что позволил тебе жить с Адель. Это была моя ошибка. Видел же, что её влияние тебя портит. Надо было отправить тебя в какой-нибудь закрытый пансион, подальше от неё...

Я аж поперхнулась. Ладно бы ещё он заявил - надо было оставить себе... Словно уловив мои мысли, он неожиданно спокойно и даже с сожалением произнёс:

- Тогда я не мог взять тебя к себе. Это было... опасно. Сложное было время. А позже я видел, как ты привязана к Адель, и, в общем, проявил малодушие и слабость. Зря, конечно. Ты

умудрилась перенять от неё всё самое дурное. А сейчас, гляжу, ты совсем с катушек слетела. При Адель здесь хотя бы порядок был и в загулы она не пускалась. А это уж вообще последнее дело. Но ничего, я не позволю тебе разрушить свою жизнь. Я возьмусь за тебя. Уж лучше поздно, чем никогда.

- Что поздно? Как? Ты это о чём? - пролепетала я, уже обессилив от этого разговора.

- Я забираю тебя к себе.

- Куда? - растерялась я.

- К себе. Отныне ты будешь жить со мной. До конца недели собери вещи и переедешь...

- Но мне уже двадцать два! В таком возрасте люди перестают жить с родителями, а не переезжают к ним.

- А ещё в таком возрасте люди имеют работу, специальность или хотя бы заканчивают обучение. Но это я говорю о тех людях, у которых есть цель и они её добиваются. А не о тех, кто не способен ни на что, кроме как спускать отцовские деньги на свои сомнительные развлечения. Ты, увы, из последних.

Он снова стал кипятиться.

- Ты оглянись вокруг, посмотри на себя. Неужто тебе самой не противно? Неужто не жалко времени, которое ты попросту тратишь впустую? Неужто тебе самой не хочется чего-то добиться?

Он посмотрел на меня выжидающе, но затем, вздохнув, махнул рукой. Мол, и так со мной всё ясно - ловить тут нечего.

- В общем, чтобы до конца недели приготовилась к переезду.

- А если я не соглашусь?

- Значит, ищи себе другой дом, этот я забираю. И на жизнь тоже добывай сама. Я не собираюсь больше спонсировать твои пьянки и наблюдать со стороны, как ты скатываешься на самое дно.

Я обречённо молчала. Можно было, конечно, спорить, качать права, но с отцом такие номера не проходили. Он бы ещё больше разозлился и точно лишил бы меня денег немедленно, тут уж без вариантов.

- До конца недели, - повторил он и, наконец, ушёл.

Как только за ним хлопнула дверь, Руслан тотчас подал признаки жизни.

- Так ты что, не спал? - удивилась я.

- Поспишь тут в таком крике.

- А чего тогда притворялся?

- Да ну. Чтоб ещё и мне твой батя наваял? Он у тебя такой грозный.

Руслан выбрался из-под одеяла, нашарил джинсы, запутавшись в штанине, чуть не грохнулся. Наконец неловко натянул на себя, щёлкнул пряжкой ремня и повернулся ко мне.

- Что, Энжи, завернул батя гайки? С предками всегда так, если что не по ним. Да ты не грузись, может, обойдётся всё. Вспыльчивые всегда быстро остывают. Он тут проорался, так завтра, может, и не вспомнит. Ну или поживёшь у него месяцок, а потом всё устанет и съедешь. Тоже вариант.

- Ну нет, я к нему ни за что не поеду. Захочет меня выселить - пусть. Посмотрим, как он это сделает. Но у отца я жить не буду. Это однозначно.

7

К отцу я переехала в воскресенье. Тянула до последнего.

Испробовала все варианты убеждения: давила на жалость - тщетно. Просила по-хорошему, заверяла, что я, вообще-то, не пью, а то был исключительный раз - отец не верил. Обещала, что назову журналистов и пусть все видят, как отец вышвыривает из дома родную дочь.

Ещё и судом грозилась, я же там прописана, меня нельзя оттуда выгнать по закону. Однако сама понимала, что все мои угрозы - это тявканье моськи на слона. У отца давно всё схвачено, везде, во всех сферах. Потому что такие, как он, не умеют проигрывать, не знают компромиссов и полумер и идут напролом, до последнего. Для таких все средства хороши. И тягаться с ним бессмысленно - проглотит и не подавится. Поэтому с отцом теперь все предпочитают дружить. Это и мама рассказывала.

В воскресенье за мной заехал ещё один из отцовской челяди, не тот, черноглазый. У того, во всяком случае, на лице прослеживался интеллект. А у этого лицо тупое и невыразительное, и сам он как шкаф. Но тоже в дорогом костюме, который сидел на нём до смешного нелепо.

- Я - Виктор. Я от Сергея Ивановича, - отрапортовал он, вообще не меняясь в лице.

Я даже здороваться с ним не стала, молча кивнула на груды сумок и чемоданов, молча опустила солнцезащитные очки со лба на нос, молча вышла во двор, молча села на заднее сиденье чёрного Гелендвагена.

Виктор невозмутимо загрузил весь мой багаж в машину и повёз к отцу.

Это я только с виду сохраняла спокойствие, внутри у меня всё кипело и клекотало. Пока ехали, я подбирала эпитеты, коими мысленно награждала отца.

Нет, ну как можно быть таким садистом и тираном с собственной дочерью? Это он своими лакеями может помыкать как угодно и всяких чинуш нагибать, а со мной ни черта у него не получится.

Ещё там эта Вера, новая жёнушка. От её благодного лица аж тошнит. Её я буду игнорировать. А если вздумает лезть ко мне, то пусть пеняет на себя. Выскажу всё, что придёт на ум.

Виктор тем временем проехал через Солнечный и помчался по Байкальскому тракту, затем свернул в коттеджный посёлок. Здесь было всё такое безупречно-аккуратное, даже зелень подстрижена ровненько, точно по линейке. Прямо-таки живое воплощение Вистерия Лейн*.

Я вглядывалась в проплывающие мимо коттеджи и пыталась угадать, какой из них отцовский. Даже забавно - мне двадцать два, живём с отцом в одном городе, и я ни разу прежде у него не была. Даже понятия не имею, где и как он живёт.

Мы проехали до конца Кленовой улицы, повернули направо, миновали огороженный стальной сеткой теннисный корт.

Дальше дорога устремлялась куда-то вглубь соснового бора. Мы ехали и ехали, а деревья не кончались. Я даже немного забеспокоилась - ну натуральный лес кругом. Не тайга, конечно, но всё же. Даже мелькнула мысль - правда ли этот громила водитель отца? А что? В кино ведь нередко у всяких воротил бизнеса похищают родных для выкупа, например, или манипулирования.

Я пристально посмотрела на мощный выбритый затылок водителя. Можно, конечно, позвонить отцу, удостовериться, но неохота. Мне от одной мысли об отце становилось настолько тоскливо, что, кажется, я бы и не прочь была, если б меня похитили. То есть нет. Конечно, нет, я же не сумасшедшая. Просто, как говорится, из двух зол...

Да и потом, кому я нужна? Кто обо мне знает? Отец не особенно афишировал свой первый неудавшийся брак. Везде и всюду мелькала рядом с ним Вера, и если бы вздумали кого-то похищать, чтобы надавить на него, то уж скорее похитили бы её.

За этими идиотскими мыслями я не заметила, как мы подъехали к кованным воротам. Да, прямо в лесу. Правда, с той стороны ворот сосны заметно поредели, трава не колосилась, а торчала аккуратным ёжиком, ну а вдоль дороги высились через каждые пару метров фонари в стиле лофт. А если взглянуть, то среди деревьев виднелся и сам дом. Точнее, его крыша.

Виктор пиликнул брелоком, и ворота с лязгом разъехались. И за нами снова закрылись.

Надеюсь, я смогу отсюда уходить по собственному желанию? Хотя перспектива шагать через лес, словно эдакая Красная Шапочка, тоже не очень вдохновляла.

Затем сосны и ели расступились, явив взору опрятную лужайку, которая стелилась ковром почти до самого крыльца.

Глядя на отцовский дом, на ум пришла фраза из Трёх поросят: дом должен быть крепостью.

Массивный в три этажа короб из серого камня и никаких хотя бы самых простых колонн, что ли. Никаких арок, ниш и прочих архитектурных штучек. Только по бокам крыши торчали две башенки с круглыми окошками. Наш дом в Геологах был, конечно, значительно меньше, но зато несравнимо уютнее и красивее этой холодной каменной громадины.

Ещё не переступив порог, я точно знала, что тут не задержусь. Просто не вынесу.

* Вистерия Лейн - вымышленная улица из американского сериала «Отчаянные домохозяйки», очень опрятная, с симпатичными домиками, аккуратными газонами, белыми заборчиками.

8

Отца дома не оказалось. Вместе с Верой они укатили... ой, я даже слушать не стала, куда. И честно говоря, обрадовалась, что наша трогательная встреча откладывалась.

- Сергей Иванович и Вера Андреевна приедут завтра к обеду, - доложила средних лет женщина, худая, прямая и длинная, как жердь. Она же открыла нам двери. - Но Сергей Иванович предупредил насчёт вас. Так что к вашему приезду всё готово.

На слове «готово» женщина отрепетировано улыбнулась, даже не пытаясь вложить хоть нотку искренности. И вообще, вела она себя на редкость чопорно, будто и не прислуга вовсе. Представилась Ольгой Алексеевной. Ко мне тоже попыталась обратиться по паспорту: Анжелина Сергеевна. Но я сразу её остановила:

- Нет-нет. Анжела и только Анжела. Ну или Лина.

Друзья меня, конечно, звали Энжи, и так мне нравилось больше всего, но эта надутая мадам скорее свой язык проглотит, чем такое повторит. В любом случае, только не Анжелина, да ещё и Сергеевна! В полном виде своё имя в нагрузку с отчеством я терпеть не могла.

- А вы здесь кто? - уточнила я, поднимаясь вслед за ней по лестнице.

- Я слежу за порядком в доме, - ответила она, не оборачиваясь и не замедляя шаг.

Дама препроводила меня на второй этаж, туда, где я теперь буду жить. И снова:

- Вот ваша комната, Анжелина Сергеевна. Ваш багаж уже тут.

Я чуть не поперхнулась: она невменяемая, что ли? «Вы» я ещё как-то переживу, пусть. Но с именем своим своевольничать не дам!

- Извините, у вас со слухом плохо? - развернулась я к ней и, вздёрнув подбородок, смерила её взглядом. Этак свысока, хоть эта жердь на полголовы меня длиннее. - Или с памятью? Я, по-моему, вас попросила так меня не называть. Я куда приехала? В дом отца или в казённое заведение? Зачем этот официоз? Повторяю в последний раз: я - Анжела или Лина.

Она моё возмущение выслушала с потрясающей невозмутимостью, даже не моргнула. И так же спокойно сказала:

- Располагайтесь. Ванная и уборная - вон там. Надеюсь, дорога вас не очень утомила.

Я фыркнула. Можно подумать, я ехала не с другого конца города, а с другого конца света.

- Ужин у нас в семь, но если вы почувствуете голод - сообщите мне.

Ну вот кто так говорит: если почувствуете голод, сообщите...? Нельзя сказать: захочешь есть - кухня там-то?

Наконец, она оставила меня в покое. И дам руку на отсечение, эта сушеная вобла меня уже ненавидит. Уходя, она прямо цапнула меня взглядом. Быстрым, но очень выразительным.

Ну и плевать. Вот уж глубоко без разницы, как относится ко мне отцовская прислуга.

Я раскинулась на широченной кровати звездой, не раздеваясь. Ну и что мне делать? Чем заниматься? Я здесь всего полчаса, а уже умираю от скуки. К счастью, тут ловил вай-фай. Не бог весть какое развлечение, но хотя бы я могла понять Киселёву на свою несчастную судьбу.

Потом обошла дом, затем - территорию вокруг дома, в общем, худо-бедно вечер скоротала. Заодно пришла к выводу, что, судя по интерьеру, отец в быту неприхотлив. Всё такое добротное и простое. А с его-то деньгами он мог купаться в роскоши, но он не экономил разве что на автомобилях и костюмах.

Да и плевать. Всё равно я тут жить не буду. Иначе я буду не я. Просто подожду, когда отец немного успокоится и разрешит вернуться домой. А нет - так что-нибудь придумаю.

9

Отец с Верой приехали на следующий день. Вобла меня заранее предупредила, что «Сергей Иванович и Вера Андреевна будут к двум». В общем-то, больше она ничего не сказала, но по тону и по выражению лица явно подразумевалось, что я должна быть паинькой и не огорчать хозяина.

Встречать на крыльце я уж их не стала, к чему этот театр? Но к обеду спустилась вовремя. Может, и правда стоило прикинуться кроткой овечкой и усыпить бдительность отца. Может, так он скорее отпустит меня на волю.

Обедали мы втроём. Отец мне лишь кивнул, когда я подошла к столу, и бегло окинул недовольным взглядом. Зато Вера изобразила такую радость, будто всю жизнь жаждала меня увидеть. Заворковала сразу:

- О, Линочка, это так замечательно, что ты будешь с нами жить! Я уверена, мы обязательно поладим. Теперь у нас будет настоящая семья...

Я еле вынесла этот слащавый поток. Если б не установка «задобрить папочку», то обязательно бы съязвила. Потому что ну какая настоящая семья? Что за ахиней? Даже для меня этот фарс - явный перебор.

Отцу, видимо, тоже этот щебет не особо нравился. Он терпел, терпел, молча, затем не удержался:

- Чем планируешь заняться? - и припечатал тяжёлым взглядом, а я даже не поёжилась и глаз не отвела. И прислушалась к себе: никакого страха или даже трепета. Я и правда перестала его бояться. Абсолютно. Преспокойно смотрела в его лицо с массивной челюстью и выступающими вперёд надбровными дугами.

- Не знаю ещё, - пожала я плечами. - Не решила.

- А кто знает? Кто должен за тебя решать? На работу устроиться нет мысли?

- Но я же ничего не умею...

Зря я это сказала. Отец тотчас побагровел.

- Серёжа, подожди, - вклинилась сладкоголосая Вера-примирительница. - Что ты сразу так на неё нападаешь? Дай Линочке освоиться. Она же только приехала.

Отец хотел возразить, но она одарила его такой безмятежной улыбкой, что он, крикнув, заткнулся. Я с любопытством посмотрела на неё. А Вера-то непроста, оказывается. Та ещё манипуляторша. Мой великий и ужасный папа подчиняется ей, как марионетка.

- А давайте выпьем за встречу, за нашу семью, - придумала она. - У меня родился прекрасный тост...

Тут уж отец не вытерпел и раздражённо прервал её:

- Ну какой выпьем, Вера?

- А что такого? - воззрилась она на него, будто и правда не понимает его посыл.

Мне хотелось встрять и пояснить, мол, папочка считает меня алкоголичкой, которой даже понюхать пробку от вина никак нельзя. Но я же решила не выступать и вести себя прилично. И сарказм в эту схему не укладывался. Поэтому я, чтобы не искушать судьбу, встала из-за стола, поблагодарила и вышла вон. Однако не удержалась, остановилась за дверью и прислушалась. Они говорили тихо, половину я не разобрала, но и того, что услышала было достаточно, чтобы всё понять.

Отец ворчал: какой ей пить? Она здесь почему? Потому что там не просыхала. Скатилась на самое дно! Так давайте ещё тут ей нальём, чего уж!

Вера распереживалась: Серёжа! Как можно! У Линочки полтора месяца назад мама умерла! У неё травма! Её надо щадить, а не гнобить и не принижать!

Вот честно, я бы, может, и прониклась к Вере, не будь она такая вся правильная и добренькая. Может, конечно, это я слишком циничная и испорченная, а она нормальная, такая, какими и должны быть люди. Но не верю я в абсолютную доброту и бескорыстие, хоть ты тресни. И в Вере мне чудится сплошное фарисейство.

Ну а отец - он как всегда в своём репертуаре.

10

Неделю с лишним я кое-как выдюжила.

Всего раз выбралась в центр - с девчонками встречалась. И то вернулась к девяти вечера, как скромная школьница, хотя наши звали с собой в клуб.

И мне, честно, хотелось с ними, но я преодолела соблазн: соврала, что болит голова и отправилась домой. Ну не говорить же им, что я теперь практически на бобах, потому что отец урезал моё содержание, это стыдно. Я и так считала каждый рубль и напряжённо прикидывала - хватит или не хватит. С завистью смотрела, как подруги беззаботно брали всё, что цепляло глаз.

Я же сама почти не потратила денег, если не считать обед в Марциано, такси в оба конца, ну и так - кое-какие покупки по мелочи. И всё равно отец был недоволен. Брюзжал, мол, вместо того, чтобы заняться делом, я опять гуляла и тратила.

Придумал ещё, чтобы я восстановилась в универе. Или, на худой конец, закончила какие-нибудь курсы. Я сдуру ляпнула: зачем?

И понеслось: тебе нравится быть неучем? Хочешь всю жизнь быть никем? Тунеядкой? Никчёмным паразитом?

На языке вертелись злые слова. Ужасно хотелось огрызнуться, сказать гадость Вере, уйти и громко хлопнуть дверью, но я сдержалась.

Выслушала его тираду молча, а потом выдавила из себя: «Хорошо, папа, я восстановлюсь». Моему терпению можно памятник ставить.

Кто бы только знал, как я ненавижу собственного отца! Всё в нём ненавижу: бешеный нрав - чуть что сразу орать и кидаться оскорблениями, привычку всех и каждого нагибать, заставляя плясать под свою дудку, его массивное лицо и взгляд, в котором явственно читается: «Я всё знаю лучше всех». Но особенно ненавижу его за то, что завишу от него целиком и полностью.

К счастью, наши с ним встречи сводились лишь к совместным завтракам. Потом он уезжал по делам и возвращался обычно поздно.

А вот его Веру, к сожалению, лицезреть мне приходилось гораздо чаще. Одно хорошо - в отсутствие отца она так не утомляла своей доброжелательной болтовнёй.

Но самое мучительное то, что дни тянулись до одури однообразно и скучно. Не происходило ровным счётом ни-че-го.

Ели мы строго по часам. Причём пищу невкусную и полезную, потому что у отца, оказывается, не то гастрит, не то язва. Но и в обед, когда отца дома не бывало, Вобла подавала бульончики и овощи на пару.

В остальное время я почти безвылазно торчала в своей комнате, читала Карлоса Руиса Сафона, смотрела сериалы или зависала в чате.

Нет, разумеется, взаперти никто меня не держал, да и Вера, уезжая в город, всегда звала составить ей компанию. Но с Верой мне уж точно не хотелось никуда, а туда, куда хотелось бы - с пустой банковской картой не поедешь.

А нет, я же ещё сподобилась съездить в универ, узнать по поводу восстановления. Но мне там выкатили такой перечень дисциплин, которые надо будет досдать, что я сразу же расхотела восстанавливаться. Нет, правда, зачем мне нужна эта головная боль?

К концу второй недели я уже готова была от скуки на стены лезть, а отец ничуть не смягчился. Каждый завтрак стабильно клевал мне мозг: бездарь, не учишься, не работаешь и так далее.

Так что зря я тут из себя саму покорность строила и терпела оскорбления. Всё без толку. И денег по-прежнему выделял мне - ну просто слёзы.

Девчонкам нашим я, конечно, наплела, что у меня всё замечательно: живу как сыр в масле, что хочу, то и делаю, папа с меня пылинки сдувает, ни в чём не отказывает. И вообще, не жизнь у меня, а рай. Иначе бы на следующий же день все злорадно обсуждали, что отец скрутил меня в бараний рог и держит в чёрном теле. И ещё от себя присочинили бы всякие унижительные подробности.

Киселёв - единственный, кому я по привычке ныла и жаловалась. Он, во-первых, никому не разболтает. А, во-вторых, утешит и приободрит.

«Энжи, детка, ты не ту тактику выбрала. Тебе, наоборот, надо действовать бате на нервы. Достать там всех, как возждь краснокожих. И тогда он тебя не только на волю отпустит, но ещё и приплатит».*

«Ты отца моего не знаешь. Он сам кого угодно достанет»

«Зато я знаю тебя»

«Ой, я уже не я и вообще скоро тут свихнусь».

«Тебе надо развеяться. Встряхнуться как следует»

«Да как?»

«Бери такси, приезжай ко мне, куда-нибудь вместе рванём, хорошенько оттянемся».

«Да уж. С моими капиталами оттянешься. Если б ты знал, Русланчик, сколько у меня осталось на карте... А следующего доната ждать только в конце месяца. Отец - жмот, каких поискать. Мне теперь даже в приличное место не сходить».

«Ой да брось, скинемся...»

«Даже не смей! Не хватало ещё побирuhiкой прослыть».

«Ладно-ладно, понял. Буду нем. Репутация - наше всё. А все траты готов взять на себя единолично. Ну что, затусим в субботу?»

Для очистки совести я немного поупиралась, но, в конце концов, Руслан всё-таки уговорил. Ну а что? Прав Киселёв - надо развеяться. А то я и правда в этом унылом царстве скоро умом тронусь.

Я даже повеселела сразу, осталось только дожидаться субботы.

Однако в самый последний момент все мои планы на долгожданную субботу полетели к чёрту...

В пятницу за завтраком отец вдруг сообщил, что завтра в его компании юбилей.

По этому поводу сотрудники «Мегатэк» и, конечно, он сам выдвигаются в загородный кемпинг-отель, где будут праздновать сие знаменательное событие. И нам с Верой тоже надлежит присутствовать на корпоративе.

Вера радостно защебетала:

- Здорово! Чудесно! Я очень ждала! Хотя бы только погода не подкачала.

- Да вроде жару обещают, - пожал плечами отец. - Так что будем праздновать на воздухе, под навесами. Но там есть и ресторан, если вдруг что.

- А надолго едем? На день или на два?

- Днём приедем туда, на следующее утро домой.

- А развлекательная программа будет? Или просто застолье?

- Должна быть. Кадровички мои вроде что-то там затевают, event-агентство наняли, ну а вечером салют будет.

Тусоваться в компании отца, мачехи и офисного планктона? Нет уж, увольте. Такое развлечение не по мне, особенно когда можно поехать в клуб с нашими и действительно нормально провести время. Но отец не очень-то меня спрашивал, сказал: должна быть и точка.

Я попробовала возразить:

- Но я не могу. У меня... дела в субботу.

- Какие, интересно, у тебя могут быть дела? - фыркнул отец.

- Важные.

- Важные? - хмыкнул. - У тебя?

- Я договорилась уже.

- Ты - тунеядка, - начал он раздражаться. - И это даже слышать смешно. Какие могут быть дела у бездельника? По магазинам прошвырнуться или в клубе зависнуть со своими друзьями-дегенератами?

- Ты мне столько денег даёшь, что про магазины вообще можно забыть, - буркнула я.

- Значит, клуб, - скривился отец. - Не нагулялась ещё? Дела у неё! А насчёт денег - иди работай. Зарабатывай сама на свои магазины.

Мама всегда говорила: красивые женщины не работают. Красивые женщины созданы для того, чтобы их любили.

Кстати, Вера тоже вон, как погляжу, вовсе не трудится в поте лица, а она даже и не красивая.

Но я уж не стала нервировать отца ещё больше - себе дороже. Ушла в свою комнату от греха подальше, потому что разозлилась не меньше, чем он, а тягаться с ним в споре и ругани у меня пока кишка тонка. Он так орёт, что оглохнуть проще.

Однако досадить ему, чтобы в следующий раз не тащил меня туда, куда мне не хочется, я вполне могу. Так что папочка ещё пожалеет. Ещё как пожалеет, что заставил меня ехать на этот идиотский корпоратив.

11

В субботу сразу после завтрака мы загрузились в отцовский Гелендваген и рванули в сторону Байкала. А через полчаса уже прибыли на место - в Бурдугуз.

Я припомнила, что мы с мамой тут отдыхали. Правда, отдых получился ужасным. Мама куда-то ушла на «пару часов», а сама запропастилась.

Весь день я проторчала в номере, ожидая её возвращения. Сто раз ей позвонила, но она не отвечала. Ближе к ночи я забила тревогу. Мне тогда было лет десять, и я здорово перепугалась. Вот и поставила весь персонал на уши. Мама вернулась под утро, целая и невредимая, да ещё и приволокла мне огромного плюшевого медведя, но всё равно ассоциации с этим местом остались самые неприятные и это окончательно испортило мне настроение.

Я еле сдерживала раздражение, слушая радостное кудахтанье Веры: ах, какой Серёжа молодец! Ах, какую красоту тут организовали!

Это она восторгалась огромным бело-жёлтым шатром, под которым располагались столы. Всё такое светлое, нарядное, с бантами, букетами, шариками в тон. Рядом соорудили небольшую сцену в той же цветовой гамме. Вокруг сцены копошились люди, что-то затаскивали, настраивали. Из высоких колонок лилась музыка, какой-то лирично-попсовый инструментал.

К нам подлетела дамочка с искусственно-седой шевелюрой и затараторила:

- Сергей Иванович, мы почти закончили! Буквально последние штрихи! Менеджеры и аниматоры из event-агентства уже здесь. Я всё держу на контроле.

- Кто-нибудь из гостей уже прибыл? - хмурился отец.

- Да. Востсибкомбанк, СУАЛ, Новый город. Их проводили в номера, - отчиталась седая.

- Ах да, ещё из мэрии звонили, что будут немного позже. А наши сотрудники почти все уже здесь. Их разместили в четвёртом, пятом и шестом корпусах. А для вас, Сергей Иванович, зарезервирован отдельный коттедж. Вас проводить?

- Не заблудимся, - мрачно ответил отец. - Ты лучше тут за всем проследи, чтобы всё было в порядке и вечер начался вовремя.

Машину оставили на стоянке, на территорию, как я поняла, заезжать на личном авто не разрешалось, даже таким, как отец. Так что до коттеджа мы топали пешком, но хотя бы налегке. Сумки наши нёс отцовский водитель, молчун Виктор.

Коттедж находился в отдалении, даже музыка едва доносилась. Да и коттеджем этот крохотный двухэтажный теремок можно было назвать с огромной натяжкой. Но хоть комната мне досталась отдельная. Это и правда радость, потому что от Веры и её щебета у меня уже кипели мозги. К тому же и номер оказался вполне уютным и даже с претензией на шик.

- У тебя есть сорок минут, чтобы подготовиться, - грузно поднимаясь по узкой лестнице, бросил отец. - И давай без выкрутасов.

Отец с Верой заняли комнату этажом выше и топали над головой.

Ещё вчера отец раз десять повторил, как подобает вести себя его дочери. Если в двух словах, то выглядеть я должна элегантно, держаться скромно, как монашка перед причастием. Ни в коем случае не позволять себе ничего вызывающего ни в одежде, ни в поведении. И уж конечно, на алкоголь даже не смотреть.

Одним словом, он не должен из-за меня краснеть. Я его молча слушала и перебирала в уме гардероб: чем бы его удивить.

Увы, слишком эпатажных нарядов у меня не имелось. Разве что старенькое платьице от Памелы Роланд, палевое, по фигуре, с кружевным полупрозрачным лифом, голой спиной и откровенным боковым вырезом. Ему, конечно, неизмеримо далеко до шокирующих нарядов

Ким Кардашьян, но что уж есть. Да и я всё-таки хочу просто позлить отца, а не вызвать у него апоплексический удар. Что ещё хорошо - тонкая ткань совершенно не мялась.

Я достала из сумки платье, положила поперёк кровати, бережно расправила каждую складочку. В нём я отмечала свой восемнадцатый день рождения. Помню, тогда от жадных мужских взглядов не знала куда спрятаться. Но сейчас будет даже забавно взбодрить почтенную публику. К платью прилагались ещё босоножки на высоченных шпильках и крохотный клатч. Так что, папочка, держись!

Отец позвонил на сотовый ровно в шестнадцать ноль-ноль. Коротко сказал: «Выходим» и сбросил, а через минуту постучал. Не открывая дверь, я крикнула, что пока не готова.

- Вы идите, я подойду чуть позже.

Мама всегда повторяла, что лучше опоздать, но явиться во всеоружии. Тем более куда торопиться-то? Послушать пафосные речи? Очень надо.

Отец что-то недовольно пробурчал, Вера, как всегда, его утихомирила, и они ушли. А я преспокойно уложила волосы, освежила макияж и надела платье.

Тонкая, почти невесомая ткань струилась по телу, подчёркивая изгибы и округлости. Лиф не показывал, но весьма явно намекал, что за ним скрывается. Ну а разрез обнажал ногу почти полностью. Я критически осмотрела себя - красивая! Даже если придирааться, всё равно красивая. И до мурашек похожа на маму. Особенно сейчас.

Нет, про маму лучше в эту минуту не думать, а то весь мой боевой запал испарится, я расклеюсь, а там и до слёз недалеко. А я такой себя жутко не люблю. Хотя в последнее время я так старательно отгоняла мысли о маме, забивая голову чем угодно, что, кажется, уже привыкла. Почти научилась, едва вспомнив о ней, тут же переключаться на что-то другое. Научиться бы мне ещё думать о ней, вспоминать и внутренне не корчиться при этом от боли...

12

Я покинула номер и не спеша направилась в сторону шатра, белеющего среди сосен. Оттуда доносились музыка, голоса, смех. Празднество, видать, было уже в самом разгаре. Я подошла ближе.

Со сцены какой-то господин в годах, толстый и лысый, толкал торжественную речь, восхваляя отца и его драгоценное детище - завод металлоконструкций. Точнее, его промышленный холдинг «Мегатэк». Сам завод был построен ещё во времена СССР и успешно функционировал до перестройки. Потом зачах и развалился. Отец купил его за гроши и реанимировал: влез в долги, закупил немецкое оборудование, наладил производство, организовал каналы сбыта, ну и так далее. И теперь тот завод разросся до холдинга и денежки текут рекой.

Толстый господин рассказывал, как это приятно - иметь дело с таким надёжным партнёром, поздравлял, желал успеха, роста, процветания. Потом толстяку хлопали, пока он грузно спускался со сцены. Лысина его лоснилась от пота. Он промокнул её и мясистое лицо клетчатым платочком.

Отец приподнялся из-за стола, шагнул к нему, заключил на миг в объятья, а затем увидел меня, и улыбка его застыла. Моя же, наоборот, расцвела.

Та самая седая, что до этого отчитывалась о почти полной боевой готовности к празднику, подсуежилась: подлетела ко мне, отпустила какую-то любезность, подвела к столу отца, где, кроме него и Веры, сидели ещё две солидные семейные пары и одинокий старец.

Ну, строго говоря, он, конечно, не старец. С виду, может, лет на десять старше отца, но лично для меня один чёрт - шестьдесят ему лет, семьдесят или сто.

Отец представил им меня: дочь, Лина. Мне их представить не сподобился. И вообще стал вдруг смурной. Вера и остальные дамы тоже ощутимо напряглись, зато мужская половина заметно оживилась и повеселела. Начали наперебой ухаживать, вопросами засыпали:

- Линочка, а сколько вам лет?
- А вы где-то учитесь? Работаете?
- А почему мы раньше вас не видели?
- Позвольте угостить вас шампанским.
- Сергей, мы и не знали, что у вас такая красавица-дочь.

Да, без комплиментов тоже не обошлось. Особенно старался одиночка: ах, какие руки! Какой точёный профиль! Какие глаза!

Сам при этом взгляд не отводил от лифа.

Женатые тоже распушили хвосты. И получаса не прошло, как их супруги возненавидели меня настолько люто, что больше не могли это скрывать за благопристойным выражением лиц. Если бы музыка не играла достаточно громко, наверняка я бы услышала скрежет их зубов. Дуры. Очень нужны мне их потасканные мужья.

Вера краснела, бледнела и тушевалась. Отец украдкой метал в меня красноречивые взоры, старался привлечь внимание мужчин, заводил какие-то серьёзные разговоры, но стоило мне улыбнуться, просто улыбнуться, хотя нет, не просто, а чуть-чуть загадочно, как те сразу резко глупели.

Однако вскоре мне этот спектакль надоел. Я хотела досадить отцу - я ему досадила, вряд ли он ещё когда-нибудь отважится вытащить меня на подобное мероприятие. Но сидеть весь вечер в компании престарелых донжуанов и их жён-фурий - крайне сомнительное удовольствие.

Мне стало скучно, чудовищно скучно. Я даже преступила грань, которую сама себе обозначила и мысленно поклялась не преступать: выпила два бокала шампанского. Или три?

Однако теперь лишь в голове шумело. Но весело не стало. Ничуть.

Единственное, что забавляло - видеть, как исходит гневом отец, но всюду пытается не подать и виду, потому что кругом люди, кругом праздник. Нет, это даже не забава. Это чистейший адреналин. И как бы оно ни было глупо и бессмысленно, тем не менее это эмоции, от которых играла кровь и которых последнее время мне катастрофически не доставало.

Однако адреналин, как известно, бурлит сильно, но недолго. Не прошло и полвечера, как снова навалилась тоска. Я уже не слушала старца, который обнаглел настолько, что предложил уединиться. Правда, тут же заверил, что ничего такого я думать не должна, он зовёт просто поговорить.

Тут уж я не удержалась. Изобразила разочарование:

- Просто поговорить? А вы мне показались более смелым и решительным.

- Так и есть, - взволнованно зашептал на ухо старец. - Богиня... Линочка, я с вами будто снова стал молодым и безрассудным.

Тут я хотела съязвить, но осеклась - случайно посмотрела на один из столиков и напоролась на чей-то пристальный взгляд.

Это был мужчина, молодой, черноволосый. И смотрел он на меня совсем не так, как старец и женатые. От их приторно-масляных взглядов делалось тошно. А у этого глаза горели огнём и прожигали насквозь. Не знаю, как объяснить, но именно насквозь! Так, что внутри становилось горячо и как-то беспокойно. И сердце растревожено заколотилось.

Ну, это, наверное, шампанское так действует. Я ведь уже давно выросла из того возраста, когда взгляды мужчин могут так разволновать. Да, определённо - шампанское. Потому что даже щёки, почувствовала я, полыхнули румянцем, как у малолетки.

А ещё этот парень показался мне смутно знакомым. Нет, я точно его где-то видела. Но где и когда?

Я снова посмотрела на него и снова поймала его взгляд.

Смуглый, черноглазый брюнет, смазливый, даже на мой строгий вкус. Нет, никак не вспомнить.

Тогда включим логику: раз он здесь, значит, либо партнёр, либо отцовский сотрудник. Ни с теми, ни с другими я, по идее, в жизни не пересекалась. Да и где бы?

Я имею весьма смутное представление, где находится отцовский завод, а уж где располагается головной офис - вообще без понятия. Никогда не интересовалась и никого до сегодняшнего дня из его сотрудников не встречала, ну если не считать шофёра, прислугу...

И тут меня пронзило: это же он приезжал ко мне в Геологи вместе с отцом. Продукты мне привозил. Ну, конечно, он! Черноглазый! Ещё один отцовский водитель! Или охранник? Плевать, в общем-то. Пялился, стоял в дверях, думал, наверняка, всякую ерунду про меня. Ну, я его не осуждаю, если взглянуть со стороны, то картина тогда и впрямь была очень далека от благопристойности.

Зря я его вспомнила. Память - враг мой. Его взгляд и сразу-то меня нервировал, а сейчас так вообще стало не по себе. Не то, чтобы я его очень стеснялась, но после того памятного утра, когда он имел счастье лицезреть меня полуголой, косматой, с похмелья, в постели с Киселёвым, да ещё и среди жутчайшего бардака, предпочла бы больше с ним не встречаться никогда. Однако, подлец, красив! Ну это вот точно шампанское во мне говорит, потому что я не падка на красавчиков.

Я сделала вид, что больше его не замечаю, но сама же при этом понимала, что какого-то чёрта стала вести себя неестественно. Так всегда бывает, когда слишком стараешься.

А я ещё и взгляд его ощущала на себе даже тогда, когда не смотрела в ту сторону. Он как будто физически касался, обжигал, просачивался под кожу.

Старец продолжал мне нашептывать, что потерял голову, а я едва его слушала. А потом вдруг это чувство исчезло. Раз и всё. Но что странно - сначала оно волновало, вызывало внутренний дискомфорт, а когда исчезло, возникло ощущение пустоты.

Я повернулась к столику черноглазого.

Он и правда больше не смотрел на меня. Он беседовал с какой-то блондинкой в голубом. Упс... не просто беседовал, а держал её за руку.

Блондинка при этом не смущалась и не кокетничала. Что-то ему говорила и вполне буднично. Значит, телесные контакты у этой парочки - дело привычное.

Некрасивая, злорадно подумала я, отыскав в её внешности за секунду дюжину изъянов.

Затем выдохнула, отвернулась и расслабилась, стараясь не замечать необъяснимой лёгкой досады.

Нет, ну какая досада? Бред же!

Меня бы ещё отцовские водители, ну или кто он там, не волновали! Всё, с шампанским надо завязывать.

- Линочка, - сипел мне в ухо старец, - только дайте знак. Я готов.

- К чему? - раздражённо поинтересовалась я, окончательно утратив нить разговора. - К труду и обороне?

- Хотя к труду, хотя к обороне, - закивал он. И глаза стали ещё маслянистее. Фу.

Не шутки ради, а просто потому что надоел, я ему прошептала в ответ:

- Хорошо. Ждите меня возле административного корпуса.

- Да, да, буду ждать.

- Ну всё, идите. Я подойду чуть позже, чтобы это не выглядело подозрительно.

Ну он тоже гений конспирации - резко перестал со мной общаться, включился в разговор отца, пару раз ему поддакнул, а потом, извинившись, поднялся из-за стола.

- Отойду ненадолго. Важный звонок, - для убедительности даже вынул из кармана пиджака айфон и потрусил в сторону административного корпуса.

Под навесом началось оживление. Это официанты сновали между столиками, подавали горячее. А к нашему столику подскочила Седа:

- Сергей Иванович, вам слово. Алаверды, так сказать.

Отец крикнул, встал и медленно направился за ней. Тяжело поднялся по ступенькам, прошёл на середину сцены, покряхтел в микрофон, покашлял и зарядил ответную речь. Безусловно, подготовленную.

Его слушали внимательно, даже гул поутих, хотя говорил отец неважно: громко, медленно, скрипуче, с паузами не к месту и левыми междометьями. И вообще ничего интересного или нового не сказал - одни лишь общие, банальные фразы, которые, к тому же, местами переврал, ну либо его спич-райтера надо гнать взашей учить великий и могучий.

- Все мы - единая команда. Вклад каждого работника неоценим. Добросовестно выполняю свою работу, и неважно в офисе или в цехах, завод укрепляет свою мощь...

Я, честно, далеко не граммар наци, но такого уж просто не выдержала. Сообщила Вере, что пойду прогуляться.

- Линочка, может, пойти с тобой? - беспокоилась моя мачеха.

Ну да, только компании Веры мне для полного счастья не хватало. Однако вслух я сказала вежливо и с чувством:

- Нет, ты нужна папе. Я просто отдохну от шума и приду.

Дамы смотрели на меня одновременно с неприязнью и облегчением.

- Возвращайтесь скорее, Линочка! - пожелал один из женатых мне в спину.

13

Я направилась в противоположную от административного корпуса сторону.

Вскоре набрела на симпатичную круглую беседку, главное, пустую. Там и решила передохнуть после своего недолгого, но утомительного променада, потому что гулять на высоких шпильках по лесу, пусть даже облагороженному парковыми дорожками, оказалось не так-то легко.

Беседка мне понравилась. На самом деле она была не круглая, а многогранная. Крыша защищала от солнца, внутри имелись лавочки и по центру - стол. Всё новое, деревянное, покрашенное тёмным лаком. Решётчатые стены увиты лианами.

Я швырнула клатч на столик, сама уселась на скамейку и скинула босоножки. Давно их не надевала, и тонкие ремешки натёрли кожу.

Шум праздника доносился сюда едва-едва, только если напрячь слух. Зато совсем рядом выстукивал короткие очереди дятел и перекликались ещё какие-то неведомые мне птицы.

Тишина и умиротворение. И вдруг пиликнул сотовый. Сообщение! От Руслана!

«Энжи, тут просто отпад!», - дразнил меня Киселёв.

«Тут тоже», - решила я держать марку.

«Предательница...» - обозвался он и присовокупил грустный смайл.

Пока я формулировала мысль, как ответить на предательницу, Киселёв прислал новое сообщение:

«Но без тебя всё равно не то... Неужто никак нельзя оттуда смотаться? Или батя за тобой неотступно следит?»

«Вообще не следит, но где я и где вы».

«А если я за тобой приеду, сможешь вырваться?».

Вот это другой разговор! У меня сразу и скуки как не бывало.

«Смогу! Приезжай!».

Десять минут Киселёв, гад, молчал, изводя меня неизвестностью, затем выдал:

«Если получится - приеду».

Нет, ну нормально так? Если получится! А зачем было обнадёживать?

Но зато Киселёв подкинул идею, до которой я, чёрт знает почему, не додумалась. Что мне мешает самой вызвать такси и сбежать отсюда? Наличности у меня, правда, нет, но в городе можно будет притормозить у банкомата и снять.

- Привет, - неожиданно услышала я совсем рядом мужской голос и вздрогнула.

Хорошо хоть не вскочила со скамейки, как испуганная птица.

Быстро оглянулась - в дверях беседки стоял черноглазый. Как он тут оказался? Я даже не слышала его шагов.

Быстро оглядела его. Да, сложен он очень неплохо. И белая рубашка на нём смотрелась притягательно, хотя такой стиль мне в принципе не нравится. Впрочем, это ничего не меняет.

- Ждёшь кого-то? - спросил он, медленно скользя взглядом по моему лицу, шее, телу.

Вообще-то, обычно меня жутко бесит, когда мужчины позволяют себе вот так откровенно меня разглядывать и даже не пытаются скрыть, что у них на уме. Но сейчас от его взгляда на коже оставались следы, словно от нескромных прикосновений, а внутри звенело и вибрировало. Видать, выпитое ещё не выветрилось.

Я разозлилась на себя - какого чёрта я так реагирую? Ну и на него, конечно, тоже разозлилась. Слишком уж он нахальный для отцовской шестёрки. И где он, кстати, свою lady in blue потерял? Вот это вообще ненавижу - когда приходят на вечеринку с одной, а потом, тайком, клеятся к другой.

- Платье у тебя просто потрясающее. - Наглец явно нехотя оторвал глаза от лифа и тут же залип на моём бедре.

- Не припомню, чтобы мы были на «ты», - поправив разрез, надменно ответила я и посмотрела на него холодно.

Такой взгляд должен был, по идее, отрезвить нахала, но он лишь насмешливо хмыкнул и шагнул ко мне. Нет, не ко мне, к столику. Полуприсел на столешницу, прямо напротив меня, скрестил руки на груди. Но хоть смотрел теперь в глаза.

- Как скажешь, - пожал плечами и тут же наигранно повторил, особо выделив «вас». - Платье у вас просто потрясающее.

- Повторяетесь, - ледяным тоном произнесла я.

- Это потому что так сильно впечатлён. Ещё с прошлого раза.

Дурацкая ухмылка так и не сошла с его губ. Вот же наглый плебей!

- Так сильно, что решили за мной проследить?

Он деланно нахмурился, вот только в чёрных, слегка подшуренных глазах явственно играл смех.

- Вообще-то вон там мой корпус, туда я и шёл, но... увидев тут вас, разве мог пройти мимо? - каждое произнесённое им слово так и сочилось сарказмом.

Это он надо мной насмехается? Он, который ровным счётом ничего из себя не представляет? Рядовой отцовский лакей, хлыщ на побегушках? Пора ему всё же указать на его место, а то, гляжу, совсем зарвался красавчик.

- Лучше бы вы так и сделали - прошли мимо, - уж я постаралась вложить в свой тон как можно больше ледяного презрения.

- А, может, всё же познакомимся поближе? - не унимался черноглазый.

Я надела босоножки и поднялась. Затем встала перед ним, посмотрела прямо в глаза и отчеканила:

- С отцовскими лакеями я не знакомлюсь.

Однако этот весельчак и не думал оскорбляться, только слегка взметнул брови. Затем изогнул губы в кривой улыбке - явно вознамерился съязвить, но тут у меня зазвонил сотовый. Киселёв! Очень кстати.

- Энжи, я тут! Выходи! - гаркнул в ухо, едва я приняла вызов.

- Где?

- Да прямо за воротами. На территорию нас не пускают, типа частная вечеринка. Так что давай, выходи живее.

- Так ты приехал за мной?

- Ну конечно!

- О, Русланчик, я тебя обожаю! Сейчас буду!

Я нажала отбой и бросила взгляд на черноглазого, который наблюдал за мной всё с той же едкой усмешкой. Ай, да пошёл он!

Ни слова не говоря, я развернулась и, вздёрнув подбородок, выскочила из беседки. Мне казалось, что я чувствовала спиной его взгляд, и почему-то очень хотелось оглянуться и проверить. Потом подумала - да какая разница, куда он там смотрит и прибавила шагу.

14

В номере я спешно переоделась в джинсы и припустила к воротам, пока меня не хватился отец. Обещанная машина - белая тойота - поджидала сразу за шлагбаумом, на обочине шоссе.

Киселёв стоял рядом и курил. Завидев меня, расплылся в улыбке.

- Энжи, а я уж приготовился долго ждать, как обычно.

Он щелчком отшвырнул сигарету в кювет и, изобразив галантность, распахнул передо мной дверцу. Я нырнула в салон на заднее сиденье, сам Киселёв сел к водителю.

Это был какой-то приятель Руслана, он даже представился, но я сию секунду забыла его имя. В голове царил такой сумбур, что мимолётная информация там не задерживалась. Ну и нервы буквально звенели, будто я не просто улизнула с корпоратива, а совершила побег из тюрьмы.

Впрочем, когда мы подъехали к клубу, я уже полностью успокоилась.

Честно говоря, мне хотелось шума, драйва, движения, пульсирующей музыки, такой громкой, чтобы ни о чём нельзя было думать, чтобы невозможно было говорить. Такие клубы они как живые организмы. И попав туда, ты и сам становишься частью этого организма. Растворяешься в полумраке, в низком бите, и даже сердце бьётся в такт.

Но сегодня местом встречи всех наших был «Мистер Президент». А там всё, как мы любим: ненавязчивая музыка фоном, пафос и запредельные цены. И, конечно, никакой толпы (какая толпа с такими-то ценами?).

Чёрт, ещё недавно я даже внимания не обращала, что сколько стоит. И хотя сегодня за меня платил Руслан, я всё равно в уме подсчитала и содрогнулась: моих жалких крох на карте хватило бы ровно на два с половиной хороших коктейля. И на чаевые не осталось бы.

И это меня придавило. Даже в те моменты, когда отец называл меня ничтожеством, я не чувствовала себя настолько ушибленно.

Я глядела на своих друзей и подруг: на Ингу Старовойтову, чей отец держит сеть супермаркетов, на Вику Лапшину, чья мать - хозяйка самых навороченных в городе салонов, на Лену Ланскую - дочку местного медиамагната, на Влада Суркова, который в позапрошлом году пьяным сбил человека, но папа-депутат замял дело, на Ромку, Алекса и Макса. И чувствовала себя с ними совершенно чужой.

Но ведь это странно. Мы общаемся который год, дни рождения отмечаем вместе, знаем друг о друге всё, а тут вдруг возникло стойкое ощущение, что я здесь лишняя, как незванный гость на чужом празднике или как бедный родственник.

Хотя, если мерить отцовскими категориями, все мои друзья такие же «тунеядцы и паразиты», живут за счёт родителей и не парятся. Только их родители при этом не выносят им мозг, как мой, и не перекрывают кислород.

Выходит, нас связывали не общие интересы, а что тогда? Возможность ни в чём себе не отказывать? Ну это же ерунда. Так не бывает.

Но как я ни старалась себя убедить, эту пропасть между нами ощущала почти физически. И малодушно боялась, что кто-нибудь об этом догадается.

Так что на этот раз я сидела ниже травы тише воды, потягивала свой Космополитен и не выступала. Слушала вполуха, как Вика Лапшина, недавно вернувшаяся из Англии, жаловалась на отвратительную кухню. Безучастно наблюдала, как Лена Ланская обнимается с Владом - они теперь типа вместе. А когда забывалась, на ум лезли мысли про того черноглазого.

С ним я, конечно, немного перегнула палку, обозвав лакеем, но сам ведь виноват. Надо думать, к кому подкатываешь.

Домой я вернулась в третьем часу ночи. Рассчитывала, что отец и Вера остались в кемпинг-отеле. Они же так планировали. Надеюсь, что и вся его челядь спит давно, но... зря надеюсь и зря рассчитывала.

Едва я вошла в дом, как отец материализовался на пороге полутёмной гостиной. Я аж вздрогнула. Вернулись раньше времени? Неужели из-за меня?

- Где была? - спросил отец отдельно и очень тихо, но с ощутимой угрозой в голосе.

- В клубе, - ответила я честно и даже немного с вызовом, хотя струсилась, конечно.

С минуту он молчал, источая мощные флюиды гнева, потом так же тихо процедил:

- Отправляйся в свою комнату. Разговаривать будем завтра.

Я поднялась к себе. Вообще-то, я искренне считаю, что ничего ужасного не совершила. Подумаешь, ушла с его дурацкого корпоратива - тоже мне преступление. Ах, ну ещё игнорировала его звонки, но и это не бог весть какой грех, чтобы вот так клокотать от ярости. Решила, что завтра всё это ему и выскажу, а заодно напому, что мне уже двадцать два, так что куда хочу - туда хожу. На этих мыслях я преспокойно уснула.

К утру смелости у меня поубавилось. Особенно когда я спустилась к завтраку.

Отец заговорил не сразу. Пока поглощал свою овсянку, просто буравил меня взглядом исподлобья. Вера тоже скорбно молчала. Было очень неудобно, поэтому я, поклевав немного, встала из-за стола.

- Спасибо, что-то нет аппетита, - промямлила я.

- Сядь, - рявкнул он.

Я обречённо опустилась на мягкий стул. Приготовилась слушать очередную порцию нравоучений-оскорблений. То есть наоборот - пропускать мимо ушей.

Отец распекал меня с двойным усердием, но я гипнотизировала серебряную солонку и думала о своём. Подняла на него глаза, когда он прогрохотал:

- Ты вообще понимаешь меня? Или ты всё делаешь мне назло?

Я не знаю, что конкретно он мне выговаривал, но представить не сложно. И, наверное, правильное было бы смолчать - этим я и так все две недели занималась, почти привыкла. Но он смотрел на меня с такой неприязнью, что я не выдержала.

- Послушай, папа, если ты меня так ненавидишь, то какого чёрта заставляешь жить с собой? Почему не оставить всё, как было? Я бы жила в Геологах и глаза тебе не мозолила...

- То есть ты предлагаешь мне не обращать внимания, как моя дочь скатывается на самое дно?

- Да не на какое дно я не скатываюсь! Встречаться время от времени с друзьями - это нормально! Тем более я взрослый человек...

- Это ты - взрослый человек? - отец прямо взвился, как будто я не просто констатировала очевидное, а выдала нечто из ряда вон. Мне бы остановиться, но я тоже уже завелась.

- Может, ты забыл, но в сентябре мне двадцать два исполнится. И уж извини, но как мне провести субботний вечер, я могу решить сама.

Отец прямо потемнел лицом, отшвырнул ложечку, которой уже десять минут мешал остывший кофе. Раздул ноздри и так крепко стиснул челюсти, что выступили желваки. С минуту он испепелял меня взглядом, потом процедил:

- В таком случае сама решай и на какие шиши ты будешь проводить свои субботние вечера... и всё остальное.

- Что? - мне аж подурнело.

Он не мог говорить это всерьёз!

- Твою карту я немедленно блокирую. Раз ты такая взрослая, то сама изыщешь себе средства к существованию. И в этом доме тебя тоже никто не держит.

- То есть я могу вернуться в Геологи? - без особой радости уточнила я.

- Вернуться в Геологи ты не можешь. Там будут жить родители Веры.

- Родители Веры?! Как так? - задохнулась я. Вера застенчиво потупила взор.

- Вот так. Они уже пожилые, мы решили перевезти их сюда.

- Но почему в Геологи? Это же мой дом!

- Это мой дом, - отчеканил отец. - И кому там жить - решать мне.

Отец поднялся из-за стола, взглянул на меня сверху вниз.

- В чём дело? Ты же у нас взрослый человек, сама сказала. Потому должна понимать, что взрослый человек не только решает, где ему гулять, но и где жить. И как жить, и на что. Так что действуй, решай, строй свою жизнь своими силами.

- То есть ты меня гонишь на улицу с пустыми карманами? Да ты отец года! - голос у меня дрожал, и выглядела я сейчас наверняка очень жалко.

- Никто тебя не гонит. Спонсировать твои развлечения я не обязан. Однако предоставил тебе и крышу над головой, и полноценное питание, - он кивнул на стол, на тарелки с овсянкой, на блюдо с хлебцами, на вазочку с джемом. - У многих взрослых и самостоятельных и такого задела нет. И ничего, как-то живут, устраиваются и даже добиваются успеха.

Этой триумфальной речью он покончил с завтраком. И со мной.

Затем попрощался с Верой, с Воблой, которая тут же возникла на пороге столовой, а до этого, несомненно, подслушивала, сообщил им, когда вернётся и уехал.

15

- Энжи, детка, попробуй, не бойся...

Руслан протянул сигарету с марихуаной, эм... косяк или джоинт - так, кажется, это называется?

- Кайф гарантирую! - он блаженно закатил глаза к потолку.

Я упрямо мотнула головой и поморщилась. Достал!

Нет, правда, у Киселёва просто-таки идея-фикс «накурить» меня. Хотя он называет это по-другому: то расширить границы сознания, то уйти от мерзости бытия. Ну и всё в таком духе.

Обычно с такими предложениями я сразу посылаю Руслана в долгое пешее странствие. Не потому что я такой убеждённый противник подобного релакса - мне вообще глубоко без разницы, кто и как расслабляется. Просто это не моё. И я ему тысячу раз об этом говорила.

Но сегодня я расстроена и подавлена, поэтому на словесные пикировки не способна ни морально, ни физически.

Всё дело в отце. Он превратил мою жизнь, ещё недавно такую насыщенную и интересную, в тоскливое болото. Я как в тюрьме. На цепях он меня, конечно, не держит, но это и необязательно.

Он ведь не соврал - в тот же день заблокировал карту. Теперь я не могу купить себе даже самый дешёвый кофе или взять такси.

Иногда, вот как сегодня, за мной приезжает Киселёв - выводит в свет. Но и в компании наших я всё больше чувствую себя не в своей тарелке. Поэтому на этот раз даже упростила Руслана уехать из клуба пораньше и посидеть-пообщаться где-нибудь вдвоём.

Наши сразу засыпали вопросами: куда? зачем? почему так рано? Пришлось соврать, что от шума разболелась голова, но на самом деле просто надоело притворяться, что у меня всё замечательно, когда хотелось пожаловаться кому-нибудь на тирана-отца, на Воблу, которая, как мне кажется, за мной следит, на несправедливую судьбу.

- Что-то, Энжи, в последнее время ты стала вечно сливаться, - заметила Вика Лапшина.

- Можно подумать, тебе без меня скучно и одиноко, - фыркнула я и тем не менее напряглась.

В нашем кругу бедность - не порок, в нашем кругу бедность - позор. И из всех Лапшина первая перестала бы со мной общаться.

Мы поехали к Киселёву домой. Жил он в самом центре, на пересечении Ленина и Горького, в сталинской трёшке. И жил один, хотя частенько у него обитал кто-нибудь бездомный. Да я и сама подумывала не перебраться ли к нему. Но вспомнила, какие к нему маргинальные личности порой захаживают и какие бывают у него дикие загулы, сразу отбросила эту мысль.

Хорошо, что в этот раз в квартире Киселёва постояльцев не оказалось, хотя было ощущение, что здесь совсем недавно гулял цыганский табор.

- У меня не прибрано, - оповестил Руслан с виноватой улыбкой, как будто я сама не вижу.

Я махнула рукой - разбросанными вещами меня не напугаешь.

Он врубил какую-то комедию, приволок пива. Я, конечно, цедила эту кислятину, иначе разговор бы не вязался, но всё-таки пиво не мой напиток. Ну, первая бутылка - не мой. А там уже без разницы.

- Всё, Русланчик, это предел. Он лишил меня всего: денег, дома, в котором я выросла. Всего. И унижает меня постоянно. А если споришь - ещё хуже выходит. И родителей этой

полудохлой рыбы Веры пустил в мой дом наверняка лишь затем, чтобы мне ещё больше досадить. Я как представляю, что там, где мы жили с мамой, теперь эти... убить всех хочется.

Фильм закончился, а я даже не вникла, о чём он был, увлечённая своими жалобами. Киселёв слушал меня, кивал, понимающе причмокивал, время от времени изрекал что-нибудь глубокомысленное.

Наконец я выговорила, но лучше почему-то ни черта не стало. Тягостно, безысходно, хоть в голос вой. Я и правда всхлинула:

- Я так скучаю по своему дому. Я так скучаю по маме. Лучше бы я тогда вместе с ними разбилась...

- У-у-у. Что-то ты, подруга, совсем расклеилась. Говорю тебе - попробуй курни. Сразу же полегчает, это я тебе как доктор говорю. Это же не наркота.

- Угу, все так говорят, а потом в ходячий труп превращаются...

- Не-е-е, Энжи, ты что, я бы всякий хардкор тебе и не стал предлагать. Да я и сам тяжёлое ни разу не пробовал. Спайсы эти всякие, фу. Нафиг надо. А каннабис-то - ерунда, травка, натур продукт. Да не бойся, Энжи, с одного раза не привыкнешь, и даже с тысячи раз. Это просто чтоб попустило немного, словишь лёгкий кайф и всё. А то у тебя разговоры уж совсем за упокой пошли.

- Не-е. Ты же знаешь, я не курю, не умею курить, вообще никогда не курила.

- А тут ничего премудрого нет.

Киселёв затянулся, медленно выдохнул дым и подал мне самокрутку.

- Просто вот так же втягивай, да и всё.

Ничего у меня не получилось. Я толком даже не втянула, но сразу же закашлялась, аж слёзы выступили. И никакой лёгкости, никакого обещанного кайфа, только мерзкий привкус во рту.

- Ясно, - переждав приступ кашля, хмыкнул Руслан. - Пойдём другим путём.

- Каким ещё путём? - мне хотелось немедленно почистить зубы и прополоскать горло. - Да ну тебя. Ничего не хочу!

Но упорный Киселёв приволок из кухни обычную стеклянную банку. Затем, покопавшись в ящике стола, выудил оттуда обычный альбомный лист, скрутил в трубочку. За дальнейшими его манипуляциями я не следила, пока он меня не окликнул:

- Энжи, ну всё, давай. Тут уж проще некуда.

Он протянул мне банку, на дне которой клубился плотный сизый дым.

- Вот. Это, считай, кальян. Втяни через трубочку дым, как коктейль, удержи ненадолго во рту и выдыхай. Да не бойся. Повторяю тебе, это не наркотик.

Я ещё поупиралась, но Киселёв пристал как клещ со своим самопальным кальяном.

- Давай, один маленький глоток и всё. Вот увидишь - сразу полегчает. А не понравится - больше предлагать не стану, честное слово.

Я взяла трубочку, втянула едкий дым, только вот, выдохнув, больше не смогла вдохнуть. Вообще ничего не могла. Темнота внезапно прихлопнула меня, тело стало чугунным и неподвижным, даже веки отяжелели настолько, что никакими усилиями не получалось их открыть.

Но самое страшное - я задыхалась, как будто органы дыхания сковал паралич. Внутри меня неистово колотилась паника, но сама я лежала бревном, ни пикнуть, ни шевельнуться не могла. И чувствовала с ужасающей ясностью, что умираю. Поначалу сознание ещё работало: я слышала гулкий и далёкий, но всё же узнаваемый голос Киселёва.

Он кричал, звал меня по имени, тряс за плечи и даже, сволочь, бил по щекам. Потом его голос слился с каким-то скрежещущим гудением, темнота стала густой, вязкой, чёрной, и я поняла - всё, это конец.

16

Я не умерла.

Очнулась от того, что меня нещадно трясло и подбрасывало. Было жёстко и очень холодно. Дышать получалось, но с такой болью, будто от носооглотки до самых лёгких всё сожжено кислотой. Голова тоже раскалывалась, словно в неё гвозди заколачивали.

Сразу я не сообразила, где нахожусь. Потом поняла - еду в скорой помощи, причём еду в горизонтальном положении. Рядом сидит медбрат, втыкает в телефон и дела ему нет до меня и до того, что мой несчастный организм внутри по ощущениям одна сплошная язва.

- Очухалась? - спросил он, наконец оторвав глаза от телефона.

Я даже отвечать не стала. Думать хоть о чём-либо было совершенно невозможно, любое умственное усилие обостряло головную боль в разы. Однако тут и без усилий напрашивался вывод: Киселёв вызвал скорую и меня откачали. И, видимо, везут в больницу.

- Встать-то можешь? - спросил медбрат, когда эта колымага наконец остановилась у дверей, над которыми висела табличка "Приёмное отделение".

Встать я смогла, правда с трудом. И шла с поддержкой, потому что под ногами всё плыло и качалось, как будто иду по корабельной палубе.

Ночь я пролежала под капельницей, а утром за мной явился отец...

Домой мы ехали в полнейшем молчании. От напряжения воздух в салоне машины аж потрескивал. За всю дорогу только раз, когда мы только отъезжали с больничной парковки, Виктор спросил отца: «Домой?». Тот кивнул.

На меня отец не смотрел, однако его явно выбило из колеи моё... приключение. И надеждами я себя не тешила - это он пока молчит. Всё ещё впереди. И если уж за побег с его дурацкого корпоратива он так клокотал, то тут... мне даже представить трудно, какой апокалипсис меня ждёт.

Дома я поднялась к себе, но перед дверью комнаты замерла и прислушалась. Отец говорил не то с Верой, не то с Воблой, не то с обеими. Сказал:

- У меня важная встреча через два часа, никак не перенести. Так что придётся ехать, буду вечером. А эту из дома не выпускать. Я охранникам сказал, но и вы имейте в виду.

Я аж охнула от возмущения.

- Хорошо, - отрапортовала Вобла.

- Серёжа, а ты не перегибаешь палку? - проямлила Вера. - Дом не должен быть тюрьмой.

Я Веру не люблю, но тут она права. Но отец каков! Чёртов сатрап! И Вобла туда же!

- А что ты прикажешь сделать - упечь её в наркодиспансер, где с такими обращаются, как со швабью? - повысил голос отец. - Или закрыть глаза на то, как она себя губит? Какая бы она ни была, но это моя единственная дочь. И потом, ты хочешь, чтобы все обсуждали, что у Рязанова дочь - наркоманка? Да я как людям в глаза смотреть буду?

- Но ты не сможешь её вечно держать тут взаперти...

- Понадобится - буду.

- Но это как-то слишком...

- Слишком - это когда мне сегодня ночью позвонили и сообщили, что моя дочь чуть не умерла от передоза, - заорал отец.

- Серёжа, тихо-тихо, - сразу залепетала Вера. - Тебе нельзя так нервничать. У тебя же язва. Я всё поняла. Ты прав.

- Вера...

- Серёжа...

- Ну, в общем, я ещё не решил, как тут лучше поступить. Что-нибудь придумаем.

Очень хотелось спуститься к ним, вмешаться, объяснить, что это бред, что никакая я не наркоманка. Я даже и спустилась до середины лестницы, так меня распирало. Но потом вернулась. Струсила. Умом-то я понимала - сейчас он мне ни за что не поверит, даже слушать не станет. Его вообще сложно в чём-то переубедить, а тут такое...

Спасибо Киселёву. Хотя он же руки мне не выкручивал, сама виновата. Ну ничего, решила я, отец успокоится, и я с ним поговорю.

Три дня я просидела затворницей. Слушать меня отец не желал ни в какую, хотя я пыталась объяснить ему, что это была просто случайность, первый раз и последний. Да, это дурость несусветная, я же понимаю. Я сама тысячу раз пожалела и ругаю себя за эту глупость. И уж точно никогда ничего подобного больше не повторится.

Причём я не лгала ни капли и даже не преувеличивала. Но отец не верил и ждал, как я поняла из подслушанного разговора, когда у меня начнётся ломка. Они все ждали. Наблюдали за мной украдкой и он, и Вера, и Вобла, без дела постоянно совались в мою комнату, спрашивали, как я себя чувствую.

На четвёртый день, так и не дождавшись, сразу после завтрака отец неожиданно позвал меня с собой. Точнее, не позвал, а просто поставил перед фактом: съездим в одно место.

- Куда? - насторожилась я.

- Узнаешь.

В общем-то, мне было всё равно, даже, может, и хорошо - хоть какое-то разнообразие.

Виктор вёз нас в сторону аэропорта, потом свернул к Дзержинску, который мы благополучно проехали мимо, а затем и ещё какую-то деревню.

Теперь я снова забеспокоилась - куда мы всё-таки мчимся? Кругом луга, деревья, какие тут могут быть у отца дела?

В конце концов мы въехали на территорию какого-то... ну, наверное, пансионата для бедных или лагеря, огороженного забором.

- Мы здесь зачем? - спросила я. И в ответ опять услышала: узнаешь.

Виктор остался в машине, а мы с отцом направились к ближайшему зданию - одноэтажному деревянному корпусу. За ним располагались ещё несколько подобных строений.

Внутри оказалось ещё более убого, чем снаружи. На улице хоть зелень радовала глаз. А тут всё было каким-то допотопным: вытертый до дыр линолеум на полу, стены, выкрашенные жёлтой краской, старая мебель. Ну, хотя бы чисто.

Отец велел подождать, а сам зашёл в кабинет с табличкой «Директор». Я же от скуки стала разглядывать стенды, увешенные коллективными фотографиями.

Наконец появился отец и вместе с ним - незнакомый лысый мужчина в светлых брюках и рубашке с коротким рукавом. Лысый посмотрел на меня с явным любопытством. Значит, они говорили обо мне.

- Как самочувствие? - вдруг спросил.

Я удивлённо на него воззрилась. Разве это нормально - спрашивать незнакомого человека, как он себя чувствует? Если только ты не врач, но на врача он нисколько не походил, как и этот барак на больницу.

- Прекрасно, - ответила я тем не менее.

- А как настроение? - не унимался он.

- Замечательно, - пожала я плечами.

Лысый разулыбался и потом обратился уже к отцу:

- Можем провести небольшую экскурсию, показать, как тут у нас всё устроено. У ребят сейчас занятия с психологом...

Мы все втроём вышли на улицу, они что-то обсуждали вполголоса, я же недоумевала - что это за место и почему мы здесь. Недоумевала, пока мой взгляд не упал на вывеску прямо над крыльцом. Почему-то сначала я на неё не обратила внимания. Центр реабилитации наркозависимых «Светлый путь».

Я аж задохнулась. Это сюда отец решил меня упрятать? Он совсем с ума сошёл! Ну уж нет!

Пока эти двое беседовали, я устремила к воротам. Отец окликнул меня, но я лишь прибавила шагу. Это же беспредел полнейший!

Последние несколько метров до отцовской машины я еле сдерживалась, чтобы не припустить бегом. Наконец плюхнулась на заднее сиденье.

- Отец сказал, что останется здесь, а ты чтобы вёз меня домой, - объявила я Виктору, наблюдая в зеркале заднего вида, как вытянулось его лицо, обычно совершенно непроницаемое.

- Я пошутила, - сжалась я над беднягой, который аж рот открыл.

И снова метаморфозы в лице: от недоумения до набыченности.

Потом пришёл и отец. Я готовилась к отчаянному сопротивлению, но он, ничего не говоря, сел рядом и велел Виктору возвращаться в город. И за всю обратную дорогу ни словом не обмолвился.

17

В тот же день, только вечером, отец призвал меня в свой кабинет.

- Ты поняла уже, куда мы сегодня ездили, - не отрываясь от своих бумаг, изрёк он, как только я вошла и уселась в кожаное кресло напротив. Кресло было холодным, жёстким, неудобным. И от этого я чувствовала себя ещё уязвимее.

- Угу, только не поняла, с какой целью. Ещё раз тебе повторю: я не наркоманка. Никакие наркотики я никогда не употребляла и не употребляю.

Наконец он поднял на меня глаза, светло-серые, льдистые, колючие.

- То есть это не тебя на днях еле откачали после передозировки?

- Это был единственный раз! Случайность! Я просто глотнула дым, я же говорила тебе. До этого я никогда ничего не пробовала и больше уж точно не попробую. Да я даже не курю!

- Все так говорят.

- Знаешь, я тебе сказала, как есть. Верить или нет - твоё дело. Но я в этот приют для нариков не поеду! - твердо сказала я.

- Надо будет - поедешь. Даже не сомневайся.

Только я собралась высказать всё, что думаю, как отец опередил меня:

- Но у тебя есть выбор. Пока есть.

Я постаралась взять себя в руки и без истерики в голосе спросила:

- Какой выбор?

- Устроиться на работу. Ты двадцать с лишним лет порхала как стрекоза, а теперь пора взяться за ум. С учёбой у тебя, гляжу, ничего не вышло.

- Я могу и на заочке доучиться.

- Значит, иди работай, - пропустил отец мою реплику мимо ушей. - Будь хоть кем-то. Неужто тебе самой не противно осознавать свою полную никчёмность? Впрочем, это вопрос риторический. В общем, дочь, выбор у тебя невелик: либо ты немедленно устраиваешься на работу и действительно работаешь, а не просто просиживаешь. Либо - ну, ты сама знаешь.

Меня буквально разрывали эмоции. Злые слова так и просились слететь с языка, но я уже усвоила - с отцом качать права бесполезно, только себе хуже сделаешь. Проще согласиться, а там уж действовать по обстоятельствам. Кое-как поборов в себе эмоции, я спросила:

- И что это за работа?

- В пресс-службе моей компании. А ты что хотела? Куда тебя, без образования, без опыта, ещё возьмут? А у меня работать, чтоб ты знала, почитают за честь специалисты - не чета тебе. С красными дипломами, со стажировками за границей. Далеко не всякого у меня берут, и далеко не всякого из тех, кого взяли, оставляют. Соболев, начальник пресс-службы, например, отучился в Англии, здесь работал в администрации города, а я его переманил. Команда у него - тоже сплошь профи. И все они очень ценят работу у меня. Так что не кривись.

- Ну и зачем тебе это? У тебя вон профи, так для чего тебе такой никчёмный неуч?

- Мой крест, - обречённо развёл руками отец. - Надо же тебя хоть куда-то пристроить. Я мог бы, конечно, договориться, но не хочу, чтобы ты срамила меня среди партнёров.

Вот как - он наперёд уверен, что я всё запорю, испорчу, опозорюсь. Он вообще во мне разумного человека не видит. Он просто априори считает меня... даже слово не могу подобрать, чтобы не сильно обидно было.

Нет, мне сильно обидно. Нестерпимо. Мама так никогда со мной не обращалась. Мама себя считала прекрасной, а меня так вообще лучшей. И неустанно повторяла: «Лина, ты у меня сокровище. Ты чудом сумела взять лучшее от нас с отцом. От меня переняла красоту, от него - ум».

Ну, она так говорила, когда я ещё в школе училась. Потому что кроме математики и физики я по всем остальным предметам шпарила на отлично без всяких усилий.

Да и вообще мама в меня верила, хвалила за каждый самый маленький успех...

- Так что лучше свой позор держать при себе, - заключил отец, и тут меня прорвало.

- Ты - самый бездушный и бессердечный из всех, кого я знаю. Ты оцениваешь людей только по их успешности. Выучился за границей - молодец, ничего не достиг - отстой. А на человеческие качества тебе плевать. Конечно, на качествах же денег не срубишь.

- Я впечатлён твоей пылкой речью, но к нашей ситуации это мало применимо, хотя бы потому что и качествами ты не блещешь. Так в чём же, скажи, я тебя недооценил?

- Знаешь что, если бы ты по-человечески предложил мне работать, без этих вот оскорблений, думаешь, я бы отказалась? Может, и да, но, может, и нет! Ты никогда ничего по-доброму не предлагал и не просил. Ты только приказываешь и вынуждаешь. Конечно, твои профи ценят эту работу, потому что они сами её добились, захотели и устроились, силком их не тащили. А меня ты работой наказываешь. Кто же радуется наказанию?

Отец, что странно, молчал, будто не знал, что сказать. Тогда я перевела дух и наконец выпалила то, что давно наболело:

- А ещё ты постоянно говоришь гадости о маме, но если сравнивать вас как родителей, то ты ей и в подмётки не годишься. Хотя бы потому что она любила меня и действительно заботилась!

Отец от гнева аж потемнел лицом, и я моментально пожалела о своих словах. О ней он до сих пор не мог говорить спокойно, а я так неосторожно ткнула в больную мозоль.

- Любила и заботилась, говоришь? - рявкнул он. - Наверное, от большой любви и заботы она хотела сбежать со своим любовником за границу, забрав деньги его семьи. Ну а тебя бросить здесь, на растерзание его родни.

- Что за бред?

- Да уж какой тут бред. Этот Кошкин, адвокат, выгреб деньги с общего счёта. Бизнес-то у него был семейный на пару с женой. Развестись он не мог без крупных потерь, вот и решил сбежать вместе с твоей матерью, так понимаю, на Кипр. И если б не этот несчастный случай, то спустя неделю они бы...

- Всё ты врёшь! Мама не могла так со мной поступить.

- Не могла, угу... Только купили они два билета на Кипр в один конец. И деньги со счёта его семьи тоже куда-то делись. Да если бы не я, вдова тебе изрядно крови бы испортила.

Отец ещё что-то говорил, приводил какие-то факты, но я едва его слышала - в голове грохотал пульс, заглушая остальные звуки. Перед глазами противно рябило.

А дальше помню всё сумбурно, фрагментами. Кажется, я повторяла как заведённая: это неправда. И ещё кажется, я рыдала, а Вобла совала мне стакан с водой. Не помню, откуда она взялась в кабинете отца, но помню её тощую руку перед лицом и стук собственных зубов о стеклянный край стакана. Потом Вера увела меня в мою комнату, уложила в кровать и никак не уходила, пока я не прогнала её.

Я отчаянно не хотела верить отцу. Сама себе твердила: это гнусная ложь. Но, как назло, в памяти всплывали эпизоды, которым прежде я внимания не уделяла, а теперь они складывались в цепочку: открытая вкладка браузера с экзотическими видами и кричащими заголовками: самые выгодные цены на дома в Лимассоле; случайно услышанный обрывок разговора между мамой и Анатолием. Мама как будто его уговаривала: «Всегда чем-то приходится жертвовать, мне тоже без неё будет очень тяжело». Позже я спросила: «Без кого?». И мама ведь сказала, что без меня. Правда, об отъезде даже не заикнулась. Просто сослалась на то, что я уже взрослая и у меня скоро будет своя жизнь и, возможно, своя семья. И добавила: «Это не значит, что мы расстанемся, это значит, что мы будем жить врозь». Я тогда и не восприняла

её слова всерьёз. А ведь были ещё и сумасшедшая вдова Анатолия с его сыном, требующие с меня какие-то непонятные деньги и обзывающие маму мошенницей. И ещё всякие мелочи.

До утра я глотала слёзы. Меня убивало не то, что она собиралась уехать с Анатолием и даже не то, что они подчистили счета его семьи. Мне была невыносима мысль, что мама не сочла нужным мне об этом сказать. Ведь такое серьёзное дело не могло быть сиюминутным решением, наверняка они долго планировали, потом готовились. И всё тайком.

Она не бросила меня, не успела. А мне теперь казалось, что бросила. Предала.

И при всём при этом я всё равно остро по ней скучала. Я даже злиться по-настоящему на неё не могла. Я просто стала ещё в сто крат несчастнее.

На другой день я чувствовала себя совершенно измученной. Отец же неожиданно проявил милосердие: не стал гнать меня на завтрак, хотя режим в этом доме ставился превыше всего, и мой выход на работу отложил до следующей недели.

18

С началом новой недели закончились и послабления. Ещё накануне, в воскресенье вечером отец велел быть утром готовой как пионер.

- Сразу после завтрака едем в головной офис. Познакомлю тебя с твоим начальником.

- Начальник - это тот, который в Англии учился и весь из себя крутой профи?

- Именно. И давай завтра без выступлений и выкрутасов.

- А что я хоть делать-то буду там должна?

Если честно, то я правда совершенно не представляла себе, чем люди занимаются на работе. В поле - оно понятно чем, как понятно и со строителями, дворниками или поварами. А что делают офисные клерки, в частности, сотрудники пресс-службы?

- Твой начальник всё тебе расскажет об обязанностях. Будет давать тебе задания, - затем назидательно, с ударением добавил: - А ты их будешь выполнять. Во всяком случае, очень стараться. Учитывая, что ты ничего не умеешь и не знаешь, ничего сверхъестественного тебе не поручат, не переживай. Но то, что поручат, ты обязана делать беспрекословно. Ясно? И ещё, в моей компании дисциплина очень строгая.

Всё-таки удержаться от оскорблений отец никак не может. Я надулась, но он даже не обратил внимания, продолжая расписывать, как там у него всё заведено.

Целый вечер отец растолковывал мне правила и порядки, у меня аж голова загудела. Ничего нельзя, за всё тебя ждут штрафы-штрафы-штрафы.

Только я обрадовалась, что отец вернёт мне карту, как он тут же огорошил: деньги я буду получать дважды в месяц. И такие крохи! Эта так называемая зарплата и сама по себе смешная, так ещё и за каждый прокол могут от этих жалких крох отщипывать.

Глядя, как я приуныла, отец решил добавить ложку мёда в бочку дёгтя:

- Ну а если работник отличится, то его наоборот ждёт премия. Иногда - очень даже неплохая. В общем, просто исполняй задания своего начальника, не отлынивай, не пререкайся, не опаздывай, хотя поначалу тебя будет возить мой Виктор... и всё будет нормально.

Зная отца и его отношение ко мне, это напутствие вполне можно было счесть добрым жестом, попыткой меня приободрить. Прямо как-то неожиданно.

Ах да, за день до этого он ещё и расщедрился: выделил денег на покупку обновок.

Радость, правда, омрачалась двумя обстоятельствами: со мной он отправил свою Веру. Для контроля, видимо. А то вдруг сбегу и куплю себе выпить или же сразу дозу.

Ну а второе: я должна была купить себе не то, что захочу, а исключительно строгие наряды для работы. Там, оказывается, дресс-код: белый верх, тёмный низ. И всё такое скромное, сдержанное, невзрачное. От одних нарядов накатила тоска. Хотя, если уж честно, я себе понравилась и в этом скучном облачении.

Вера тоже каждый раз всплёскивала руками:

- Ах, Линочка, какая же ты красавица! Эту блузку как будто специально для тебя сшили. А как на тебе эти брючки сидят! Заглядение!

Я, конечно, не удержалась и от неразрешённых трат. Купила себе совершенно потрясающие туфли и новую сумочку. Ну и так, всякое по мелочи. Надо же чем-то себя порадовать. Да и наскучалась я по шопингу.

Главное, настроение приподнялось, несмотря на то, что с понедельника придётся ездить на эту самую работу. Но я чем себя утешила - подумала, что зато теперь не придётся изнывать от скуки в этих четырёх стенах, тоже ведь плюс. А когда будут всякие дела, то и времени на грустные мысли не останется. И копошиться в себе не буду.

На этой ноте я даже решила помириться с Киселёвым.

Строго говоря, мы не ссорились, просто я разозлилась на него за то, что чуть не отправил меня на тот свет, ну и игнорировала его звонки и сообщения. Пусть спасибо скажет, что я не сдала его отцу, а то бы и мириться сейчас было не с кем.

Киселёв неподдельно и бурно обрадовался:

- Энжи! Слава богу! Я уже извёлся весь. Ты на меня больше не обижаешься?

Вообще-то, обида - это совсем не то слово. Я всерьёз собиралась прекратить с ним любое общение, но тогда мне пришлось порвать бы и вообще со всеми нашими и остаться одной, совсем одной. А я так не люблю одиночество! Ну и с Русланом мы всё-таки близки как ни с кем, и хорошего он для меня делал много.

- Ну как сказать... - решила немного пожеманничать я.

- И как же мне искупить свою вину? - подхватил он игру.

- Кровью, Киселёв. Только кровью.

- Кровожадная ты, Энжи.

- Ты пытался меня убить!

- Да я сам чуть не умер! До сих пор, как вспомню, как ты тут синяя лежала и не дышала, так сердце сразу останавливается.

- Это я чуть не умерла, а ты просто наложил в штаны.

- Энжи, ну прости меня. Я даже подумать не мог, что у тебя такая реакция будет, это, наверное, какая-то индивидуальная непереносимость у тебя, аллергия... Если б я знал, что так бывает, я бы ни за что... клянусь!

Я вздохнула. Ну не умею я долго обижаться.

- Ладно, прошу, но с одним условием. Чтобы даже не заикался больше про эти свои делишки и эксперименты. И вообще, при мне - ни-ни! Или сразу врагами станем.

- Согласен на всё! Ты, Энжи, ещё продешевила с условием, - хохотнув, воскликнул он, а затем вдруг робко спросил: - Ты сама-то как?

И я поведала Руслану все свои последние новости с таким энтузиазмом, будто год провела на необитаемом острове, ну или в камере-одиночке.

В понедельник утром мы с отцом выехали ни свет ни заря. Во всяком случае, гораздо раньше, чем обычно отправлялся на работу он сам.

Спать мне хотелось просто невыносимо, потому что я почему-то накануне разнервничалась и полночи не могла уснуть, а как только задремала, так меня сразу же разбудили.

За завтраком я через силу влила в себя крепчайший кофе, чтобы хоть как-то взбодриться, но особого эффекта не ощутила. В голове клубился вязкий туман, мыслей - ноль, глаза слипались. Ещё и отец, пока ехали, всю дорогу бубнил, как я должна себя вести, чего делать не должна, а меня от его монотонных наставлений окончательно утягивало в дрёму.

Наконец отцовский джип подкатил к зеркальной башне, не особо высокой (в семь этажей, если я правильно посчитала), но зато по обеим сторонам входных дверей на пьедесталах возлежали белокаменные львы, прямо как в Ливадийском дворце. Только тут, среди стекла и прямых линий хай-тека этот архитектурный изыск выглядел нелепо и помпезно.

- У тебя есть час на перекур, - бросил отец Виктору, выходя из машины. - Потом поедem в Мегет.

Отец решительно взбежал по ступеням, я - за ним. Резко распахнув дверь, шагнул в просторный холл, я - за ним. Отмеряя широкими шагами глянцево-мраморный пол, устремился к лифту, и я, опять же, - за ним.

Возле лифта топтались люди: типичные офисные хомячки. Два парня - один тощий и нескладный, второй - какой-то даже не то что полный, а пышный и по-женски округлый. Оба, как положено, в костюмах и при галстуках. Только на первом костюме болтался как на вешалке,

а второго туго обтягивал и вовсе не в плечах, отчего вызывал ассоциацию с телячьей колбасой. Дамы тоже не модели. Хотя сильно я их и не рассматривала. Но от одного их скучного вида во рту стало кисло.

Нигде ещё я не чувствовала себя настолько чужеродной, как тут. Никогда и ни за что я не стану частью этого планктона, этого тоскливого канцелярского болотца. Это всё временно. До осени кое-как протяну, а в сентябре пойду восстанавливаться. Уж лучше учиться. Какие угодно сдам зачёты и экзамены, но тут прозябать не останусь.

Когда мы подошли, все замолкли, расступились, с тошнотворным подбострастием поздоровались с отцом и уставились на меня, не скрывая жгучего любопытства.

Лифт тренькул и раздвинул хромовые створки. Но отцовские клерки не сдвинулись с места. Только после того, как мы шагнули в кабину и встали по центру, робко просочились и облепили зеркальные стены по периметру.

Ехали они в напряжённом молчании, украдкой поглядывая на меня. На отца вообще глаза поднять боялись. Так их запугал, что ли? Хотя, в общем-то, могу представить.

Пышный и тощий вышли на четвёртом этаже, дамы - на пятом, а мы поднялись на седьмой и оказались в просторной приёмной.

За стойкой ресепшена сидели три девушки. Вот эти, причём все три, вполне ничего такие. Молодец, папочка, эстет. Окружил себя молодыми красотками. А, может, и не просто эстет.

Я наблюдала за ним и за красотками, но все три одинаково любезно пожелали ему доброго утра. Он же только сухо кивнул, не выразив ни единой эмоции, и направился в свой кабинет, массивную дубовую дверь которого украшала позолоченная табличка с вытравленным: Генеральный директор Рязанов Сергей Иванович.

Впрочем, в свою обитель он заглянул лишь на пару секунд - оставил портфель, вновь вернулся к стойке ресепшена, велел одной из красоток с кем-то связаться по поводу Мегета и покинул приёмную. А я, как хвостик, за ним по пятам.

Мы спустились на шестой этаж. По коридору отец вышагивал вальяжно, широким хозяйским шагом. Я на своих тончайших шпильках семенила, звонко цокая, следом и заодно изучала таблички на дверях: главный бухгалтер, директор по персоналу, начальник пресс-службы Соболев В.С.

На этом наш променад завершился. Отец вошёл в кабинет Соболева В.С., как в свой собственный.

- Приветствую, Вадим Сергеевич, - раскатисто и громко возвестил он о нашем появлении.
- Как и договаривались, привёл к тебе свою дочь. Будет работать под твоим руководством.
- Доброе утро, Сергей Иванович, - ответил мой начальник.

Широкая спина отца заслоняла меня от него, а его от меня, но в отражении стеклянного шкафа я увидела, как из-за стола нам навстречу встал мужчина. Тут отец шагнул в сторону, я перевела взгляд на хозяина кабинета и... онемела. Чёрт, чёрт, чёрт! Только не это! Только не он!

Но это был он. Брюнет из беседки. Я узнала его моментально. Как там я его назвала? Отцовский холоп? Или лакей? От стыда мне сделалось душно и тошно, хоть сквозь землю провалилась.

О том, что он пару месяцев назад видел меня в наилучшем виде я старалась вообще не думать, мне и без того хватало потрясения, даже от сонливости сразу не осталось ни следа.

Он подошёл к нам, поздоровался за руку с отцом.

- Знакомься, моя дочь Лина, - повернулся ко мне отец.
- Рад знакомству, - отозвался брюнет совершенно ровным голосом, хотя по его взгляду я поняла - он тоже, вне всякого сомнения, узнал меня.

Губы тронула едва заметная ухмылка, а в чёрных глазах промелькнуло выражение наподобие: ну вот и встретились.

- Введи её немного в курс дел сам или кого-то из своих попроси.

- А в какое направление лучше определить вашу дочь?

Отец шумно вздохнул, посмотрел на меня так, будто его язва внезапно разболелась.

- Тут уж сам на месте смотри. Образования у нас, увы, никакого, опыта тоже. Ничего мы не знаем и ничего не умеем. Так что, по большому счёту, без разницы. Но ничем мало-мальски важным, естественно, её не озадачивай. Так, мелкие всякие поручения давай, потому что Лина у нас мастер по созданию проблем.

Я послала отцу в ответ взгляд, полный ненависти. Мало того, что и так ужасно не по себе, так ещё и отец меня перед ним позорит. Фактически, назвал дурой и обозначил единственную функцию, на которую я способна - быть на побегушках. От гнева и обиды у меня перехватило горло.

- Только, Вадим, говорю сразу: никаких ей поблажек. Не думай, что раз она моя дочь, то ей можно тут бездельничать. Нет! И всякие промахи ты тоже не должен спускать ей с рук. Она у нас и так слишком избалована и ленива. Поэтому никаких ей послаблений.

- Я понял, - кивнул черноглазый и снова стрельнул в меня взглядом.

- Мне надо, чтобы она не просто просиживала зад, а реально работала. А если будет отлынивать от дел или косячить, наказывай так же, как наказал бы любого другого сотрудника.

- Я вам тут случайно не мешаю гадости про меня говорить? - не выдержала я.

Но отец проигнорировал мою реплику и продолжил как ни в чём не бывало. А этот ещё и ухмыльнулся, сволочь. Оба сволочи!

- Я серьёзно, Вадим. Она должна пахать у тебя всюю и получать за свои косяки то, что полагается. Облажалась - наказывай.

Отец совсем свихнулся! Чтобы я, Лина Рязанова, пахала! Если бы взглядом можно было испепелять, то от отца остался бы сейчас дымок. И черноглазому с его ухмылками я бы тоже подпалила бока. Не прошу им этого унижения! Мама бы сейчас... Я мысленно осеклась. Сердце снова больно кольнуло.

Ни слова не говоря, я направилась прочь из кабинета Соболева.

- Куда направилась? Лина, стой, - бросил мне в спину отец, но теперь я его проигнорировала и с гордым видом вышла в коридор.

Однако убегать не спешила, а замерла и прислушалась. Из-за двери донёсся приглушённый голос черноглазого.

- Как-то вы чересчур жёстко с ней, Сергей Иванович...

- В чём жёсткость, Вадим? Я требую к ней такого же отношения, как к любому другому сотруднику, ни больше ни меньше.

- Ну, она не успела ещё и начать, а вы уже наказаниями страшаете.

- Так потому что я знаю свою дочь. Она лентяйка каких поискать, но строит из себя королеву, хотя во всём, понимаешь, буквально во всём - полный ноль. Слова на неё не действуют вообще никак. Ничего она не хочет, ничто ей не интересно. Интересно вот только по клубам с друзьями своими наркоманами да пьяницами шляться.

Вот гад! Какого чёрта он обо мне такое рассказывает всяким чужим мужикам?

- Наркоманами?

- Да, было дело... В общем, с ней надо строго. Надо держать её крепко в узде и постоянно контролировать, потому что стоит только дать ей послабление и всё. Да и спесь с неё тоже давно пора сбить. Понял, Вадим?

- Да понял, понял.

- Ну вот и хорошо. Будем надеяться, что теория Дарвина не подкачает.

Теория Дарвина? Это он что сейчас, намекнул, что я типа обезьяна, которую, может быть, труд превратит в человека? Ну это уж вообще за гранью! Я пожалела, что вышла. Может, при мне отец не стал бы так распускать свой язык. Ну а если бы и при мне такое говорил, то я бы тоже не смолчала.

Вдруг дверь распахнулась, я едва успела отскочить. Отец вышел в коридор, но, увидев меня, остановился.

- А ты... - начал было он и палец свой на меня наставил, но я, взглянув на него исподлобья, перебила его.

- Балабол! - выпалила со злобой и презрением.

- Ч-что? - У него аж челюсть отвисла.

Ну конечно, отец привык к сервильности. Все вокруг него на задних лапках ходят и смотрят в рот. Да я и сама слова против ему не говорила: хорошо, папа, ладно, папа, как скажешь, папа.

Он проморгался и, нахмурившись, процедил:

- Дома поговорим. А сейчас иди к Вадиму Сергеевичу.

Я скривилась. Отец истолковал мою гримасу верно и тотчас зашипел:

- Ты свой гонор забудь. Он - твой начальник. И ты обязана ему подчиняться, если не хочешь усложнить себе жизнь.

Ненавижу отца! И черноглазый тоже бесит. Наверняка ведь захочет отыгаться за те мои слова. Однако, будем честны, жизнь я себе усложнять не хочу.

Поборов глухую ярость, я состряпала на лице невозмутимость и вернулась в кабинет Соболева.

19

- Видимо, нам всё же судьба познакомиться поближе, - усмехнулся Соболев.

Он уже сидел за своим столом, прямо напротив входа, только немного откатился в кресле назад, откинулся на спинку, а руки заложил за голову. Летнее солнце щедро лилось через панорамное окно за его спиной, несмотря на тонированные стёкла. Поэтому я видела лишь силуэт и, какое было у него выражение лица, могла только догадываться.

- Увы, - вздохнула я.

Я остановилась рядом с дверью. Сесть он мне не предлагал, и вообще, по-моему, ему ужасно нравилось это положение вещей, где я вдруг стала его подчинённой. Ну что ж, ладно, пусть пока потешит своё самолюбие. На первых порах я ему даже подыграю.

И я напустила на себя покорный вид. Ни к селу ни к городу вдруг вспомнилось, как в восьмом классе меня вызвали к директору из-за стычки с одноклассницей. Конфликт спровоцировала она, приревновав ко мне... ой, уже не помню, кого именно. И ничего лучше не придумала, как измазать моё белое кашемировое пальто какой-то чёрной вонючей гадостью. Но на месте преступления её засёк пятиклассник и доложил мне. Просто его как-то обижали мальчишки, а я вступилась, вот он и проникся.

Я вернулась в класс и без разговоров взяла её сумку. Она в первый миг опешила, но когда я расстегнула замок и заглянула внутрь, стала кричать, мол, неприлично шарить по чужим вещам, хватать меня, пытаюсь вырвать сумку из моих рук. Но я уже обнаружила там баночку с чёрным кремом для обуви. И крем этот вонял так же, как мерзкие пятна на моём пальто. В общем, сумку я в отместку вышвырнула из окна, а кабинет у нас находился на четвёртом этаже. Да и сумка была расстёгнута, так что в полёте всё повысыпалось и разлетелось по школьному двору. В том числе телефон, который, понятно, разбился. Её мать подняла бучу, требовала десять тысяч - столько стоил мобильник этой дуры. Но когда она узнала, сколько стоило моё пальто, то сразу прикусила язык и предложила всё забыть и помириться.

Так вот почему-то меня, не мою одноклассницу, а меня вызвал к себе директор. Я так же тогда стояла у порога и делала вид, что раскаиваюсь. Пал Палыч, директор, между прочим, взрослый сорокалетний мужик, отягощённый семьёй, распекал меня, а сам смотрел так, будто съесть хочет. Даже губы облизывал. Потом подошёл и, повторяя, какая я плохая девочка, погладил по спине, между лопаток. Брр.

И вот с чего вдруг я это вспомнила?

Соболев вдруг поднялся, сунул руки в карманы брюк, неспешно приблизился. Остановился в двух шагах, оглядел меня с ног до головы.

Ну, меня такими взглядами не проймёшь. Хотя, если честно, всё же сумел, гад, вызвать во мне лёгкое волнение, но ему этого знать не стоит.

- Вадим Сергеевич, - он вынул правую руку из кармана и протянул мне. - Впрочем, вы можете меня, простого смертного, звать просто - Вадим.

Я слегка поколебалась, но ответила на рукопожатие.

- Анжела.

Ладонь у него оказалась сухая, крепкая, тёплая. И... я вдруг заволновалась ещё больше. Чёрт, какая глупость!

- Анжела? - взметнул он в деланном удивлении чёрные брови. - Без отчества? Без регалий? Так просто? А как же должное почтение?

Ну, ясно, держит на меня зуб за «лакея». Насмехается. И мне, если уж по правде, всё ещё страшно неловко, конечно, но теперь гораздо сильнее меня беспокоит это дурацкое волнение. Сроду такого не бывало. И покрасивее, чем этот Соболев, случалось, подкатывали, но никогда

меня это не трогало. С холодной головой и спокойным сердцем я, в итоге, всех отшивала. А теперь дрожу как струна от лёгкого прикосновения смычка. Хотя понятно, почему так. Ведь с теми другими я впросак не попадала, как с ним, вот и не волновалась. А с этим - раз за разом, потому и смущаюсь. Это ещё хорошо, что я от природы не краснею. Но сердце совершенно явственно затрепыхалось, особенно когда я посмотрела ему в глаза, тёмно-карие, почти чёрные. Чтобы скрыть смущение, я вздёрнула подбородок и ляпнула первое, что пришло на ум:

- Ну, если вам так неудобно, можете звать меня госпожа.

Он неожиданно рассмеялся, чуть откинув голову назад, и меня отпустило. Смех у него звучал весело и искренне, а это означало, что, во всяком случае, он не злится на меня. Уже хорошо.

- Значит, решили заняться карьерой? - Он снова сунул руки в карманы, склонил голову немного набок и заинтересованно уставился на меня.

- Отец решил, - поправила я, хотя, думаю, этот Соболев и так в курсе.

- А вы сами что думаете?

- Ничего не думаю, я здесь, потому что выбора мне не оставили.

- Выбор есть всегда, - пожал он плечами.

Он ещё и философ!

- Значит, работа - это так, чтоб папа отвязался?

Я промолчала, давая понять мимикой, что он прав.

- Ну, ничего. У нас интересно. Втянетесь и вам ещё понравится тут работать.

Я снова промолчала. А что на этот бред ответить? Да и зачем что-то отвечать, переубеждать его? Я просто протяну время до сентября, восстановлюсь в универе, начну учиться, отец от меня и отвязается с этой идиотской работой.

- Ну, пойдёмте. Покажу вам наше царство, ну и конкретно ваше рабочее место.

Он шагнул ещё ближе и открыл дверь. А потом... этот нахал вдруг приобнял меня за плечи! Вот недаром мне наш директор школы вспомнился! Правда, у Соболева это не выглядело каким-то домогательством, а так, что-то типа дружеского жеста, но мне стало опять не по себе.

В коридоре, к счастью, он руку убрал, но кожа под блузкой, там, где меня касались его пальцы, продолжала гореть.

- Сначала зайдём в кадры, пусть подготовят трудовой договор, приказ и что там ещё надо...

Он толкнул соседнюю дверь. За массивным столом восседала дама сильно в годах. Дородная, с тройным подбородком, сиреневыми кудрями и с застывшим осознанием собственной важности на лице.

Пожилая дама вопросительно посмотрела сначала на него, потом на меня.

- Здравсьте, Мина Яковлевна. Скажите вашим девочкам, что у нас новый сотрудник. Пусть подготовят все бумаги.

- В каком отделе? - недовольно нахмурилась она.

- В моём.

Несколько секунд она таращилась на него недоумённо. Затем взгляд её прояснился, будто она что-то вспомнила.

- А-а-а, так это...? - теперь уже с интересом уставилась на меня дама, не договорив.

- Она самая. Госпожа Анжела.

Я метнула в него сердитый взгляд, но он в ответ лишь беззаботно улыбнулся. Зато важная дама тотчас превратилась в самую любезность и пообещала к обеду всё сделать.

- Теперь пора вас познакомить с нашей командой, - сообщил он, покидая кабинет директора по персоналу.

Соболев уверенно шагнул впереди, а я еле поспевала за ним. На десятисантиметровых шпильках особо не разгонишься. Время от времени он оглядывался, останавливался, ждал.

Мы свернули на лестницу, а лучше бы пошли к лифту. Не люблю я спускаться на высоких каблуках. И к перилам прикасаться брезгую, мало ли кто их трогал.

Но он хоть тут сбавил шаг. Я с интересом разглядывала его со спины: смуглый затылок, белоснежный воротничок рубашки, чёрные волосы. Кстати, красивые волосы, чистые, здоровые, хорошо лежат. И причёска такая, нормальная, мужская, а не этот намозоливший глаза андеркат или ещё «лучше» - топ кнот. Да и вообще, Соболев явно из тех счастливчиков, кому плешь и залысины не грозят. Я задумалась и не сразу сообразила, что он снова оглянулся. И конечно же, засёк, как я мечтательно его разглядываю.

В чёрных глазах промелькнула усмешка. Я досадливо поморщилась, но потом решила - плевать. Пусть думает, что хочет. Но мы-то знаем... додумать я не успела, проклятый каблук подвернулся набок. Я, испугавшись, охнула, взмахнула руками, тщетно пытаюсь ухватиться за воздух и удержать равновесие. Куда там!

Считать бы мне ступеньки пятой точкой, если бы на мой полувскрик не обернулся Соболев. Среагировал он моментально - успел меня поймать и не дал упасть.

Я перевела дух, не сразу обратив внимание, что ладони его задержались на моей талии чуть дольше, чем было необходимо.

- Стоишь? Не падаешь? Нормально всё? - спросил он, глядя в глаза, и медленно убрал руки.

- Спасибо, - в полнейшем смятении поблагодарила я, как-то отстранённо отметив, что он вдруг перешёл на «ты».

- Не за что, - улыбнулся Соболев. - Но в следующий раз буду лучше сзади идти, раз произвожу такой... сногшибательный эффект. А то вдруг не угожаю за госпожой...

Я выдавила улыбку, мол, оценила его юмор. А про себя подумала - угу, мечтай. Однако каков нахал.

На пятом этаже, в небольшом закутке рядом с лестницей имелся кофейный автомат, а рядом с автоматом, у стены стоял большой, кожаный и с виду мягкий диван. Очень удобно - купил кофе и тут же присел со стаканчиком. Только в закутке, да и во всём коридоре, не обнаружилось ни души, видать, все сидели по кабинетам и усердно трудились. Ну да, с моим папочкой не порасслабляешься.

Соболев подвёл меня к одному из кабинетов.

- Велкам. - Он распахнул передо мной двустворчатую дверь из матового стекла.

Помещение оказалось довольно просторным и очень-очень светлым. Я даже прищурилась в первый миг. Собственно, неудивительно, учитывая белые стены, белую мебель и витражное окно на всю стену. Кожу легонько обдували потоки прохладного кондиционированного воздуха. Ну хоть потеть и изнемогать от духоты не придётся.

Полупрозрачные перегородки зрительно разделяли опен-спейс на несколько рабочих мест. Если быть точной - на семь, три - слева, три - справа и один стол - по центру. Два самых дальних стола пустовали.

Перегородки, увы, были примерно по пояс, так что едва возвышались над столешницами и не давали ни малейшей иллюзии уединённости. И весь кабинет оставался виден как на ладони.

Три девушки и два парня сосредоточенно высматривали что-то в мониторах, время от времени щёлкая мышками, но с нашим появлением тотчас встрепенулись.

- Доброе утро, Вадим! - почти в унисон поздоровались они. Со мной здороваться не стали, но одарили любопытными взглядами сполна.

- Доброе утро, коллеги, - широко улыбнулся Соболев.

- Вадим, - подошла к нам миниатюрная брюнеточка. Миленькая, на Вайнону Райдер похожа. - Вадим, я по поводу выставки...

- Юль, давай чуть позже, - прервал он её. - Зайдёшь ко мне со всеми материалами... - Он посмотрел на часы, что-то прикинул в уме. - Так... в половине двенадцатого, хорошо?

Она удовлетворённо улыбнулась и вернулась за свой рабочий стол.

- Вадим, а у меня тоже был срочный вопрос насчёт статьи в «Металлург», - подал голос один из парней, рыжий-рыжий. Выбрался из своего отсека и устремился к нам, держа в руке какие-то бумажки. - Тут вот...

- Слав, давай тоже потом, ладно? Я через полчаса должен быть в мэрии, а когда вернусь - всё и обсудим. Друзья, внимание! Отложим ненадолго все вопросы, хорошо? Я хочу представить вам нашего нового сотрудника. Принимайте в команду. Анжела.

Затем, поколебавшись, добавил:

- Рязанова. Снимая вопросы, говорю сразу: да, Анжела - дочь Сергея Ивановича. Так что, прошу, любить и жаловать.

Все три девушки забыли про мониторы и, вытянув шеи, глазели на меня. Любопытство их просто зашкаливало. А у рыжего так вообще бумажки посыпались из рук. Он ойкнул, наклонился, согнувшись пополам, и стал торопливо поднимать их с пола.

Парень, который сидел за центральным столом, пару секунд любовался его видом сзади, затем достал телефон и снял этот самый вид. Гад. С некоторых пор терпеть не могу тех, кто так делает.

- Спасибо, что хоть тут без госпожи, - прошептала я Соболеву.

- А тут и незачем. Они и сами просекли фишку, - подмигнул он мне. - Видишь, Слава даже челом бьёт.

Рыжий тут же выпрямился и, прижав к груди свои бумажки, смущённо улыбнулся.

Соболев слегка подтолкнул меня вперёд.

- Мне, к сожалению, надо срочно ехать. Так что, Слав, возьми пока нового сотрудника на себя. Познакомь Анжелу со всеми, покажи тут всё, расскажи, чем мы тут занимаемся, в общем, помоги обустроиться.

20

Как только Соболев ушёл, рыжий ринулся выполнять его поручение.

- Это Юля, - представил он брюнеточку, сидящую ближе всех к двери.

Вблизи она не так уж и походила на Вайнону Райдер, разве что причёской. И милоты в ней тоже больше не наблюдалось. Милота, видать, предназначалась для Вадима, а мне она просто вежливо улыбнулась.

- Юля у нас специалист по связям с общественностью. Интервью берёт, выступления готовит, ну и не только...

У Рыжего голос вдруг неуловимо дрогнул, изменилась интонация и взгляд поглупел. Ясно с ним всё - запал на эту Юлю, а Юле он, похоже, что есть, что нет.

- А это Соня, - показал он на девушку слева от Юли. - Она у нас редактор. Ну, я как бы статьи пишу для корпоративного сайта, для газеты, для СМИ, а она их редактирует. То есть она не только мои статьи редактирует, а-а-а... А это Марина, она у нас менеджер по рекламе...

- Привет, - она вскинула руку, растопырив два пальца в жесте «виктория».

- А я Стас, - вышел ко мне второй парень, тот самый, что снимал на телефон зад Рыжего.

Он нахально оттеснил его, и тот отступил. Мда, этот не чета рыжему простачку-скромняге, этот даже внешне весь из себя уверенный и холёный: маникюр, модная стрижка с выбритыми наголо висками и зализанной набок чёлкой, даже брови явно подщипаны.

- Стас у нас работает с фото и видео, - пояснил Слава, выглядывая из-за его спины.

Модник подал ладонь для рукопожатия. Я неохотно приняла, но он поднёс мою руку к губам. К счастью, едва коснулся, но посмотрел так многозначительно, будто сам искренне верит, что сразит сейчас меня своим взглядом и жестом наповал.

Я с тоской вздохнула. Начинается! Вот только подкатов от отцовских хомячков мне не хватало. Этот ещё и противный какой-то. Вроде и смазливый, но до чего манерный и самолюблённый.

- Без обид, - обратилась я ко всем сразу, - но столько имён я быстро не запомню.

Вайнона-Не Вайнона переглянулась с той, что сидела по соседству. Но тут Рыжий снова засуетился:

- Выбирай себе место, Анжела. - И указал на два пустующих полукруглых стола.

- Мне всё равно, - пожала я плечами и села за тот, что справа.

До самого обеда Рыжий от меня ни на шаг не отходил, подключал компьютер, настраивал интернет, аутлук, офис. И всё у него, бедняги, валилось из рук. И ничего у него с первого раза не получалось. Мне даже жалко его стало.

А на обед меня вызвался сопровождать Стас. Ну пусть, подумала я. Хоть он и жеманный, и противный, но, в конце концов, это ведь просто обед. К тому же район незнаком, а он «знает отличное кафе».

Однако приволок меня этот пижон в какую-то жуткую забегаловку, где толстая тётка в тёмно-синем фартуке накладывала всем из одних и тех же кастрюль, причём прямо тут же, всего лишь за стойкой, и нести себе еду к столику надо было самому.

Лично я предпочитаю не видеть, как там и что на кухне. Поднос оказался липким, а на столике я заметила хлебные крошки и какие-то капли. Брр. Но при всём при том здесь всё равно толпилась куча таких же клерков.

- Здесь как-то грязно, - поморщилась я.

- Да... обед... наплыв посетителей... не успевают, видать, убирать. Но зато здесь классный бизнес ланч из трёх блюд, - заверил Стас.

- Как он может быть классным, если стоит как чашка кофе в обычном кафе?

Он сморгнул, утратив на секунду самоуверенный вид. Потом с натянутой улыбкой изрёк:

- Очевидно, у нас с тобой разные представления насчёт обычных кафе.

- Очевидно, не только насчёт кафе, - не удержалась я.

Свой классный бизнес-ланч Стас доедал в одиночестве, я поспешила оттуда сбежать, пока не подхватила какой-нибудь энтеровирус.

После обеда меня снова одолевал Рыжий. Целый час без умолку рассказывал, чем каждый из них занят, вгоняя меня в сон. И очень удивился, когда на вопрос, что мне известно о заводе отца, я ответила правду: ничего. После этого он буквально забросал меня статьями и ссылками.

Скажу честно, ничего скучнее я ещё не читала, даже с учётом школьных учебников по химии. Ну и неудивительно, что я в конце концов всё же уснула, пристроив голову на руки.

Когда спишь в неудобной позе, всегда снится всякая чушь. Вот и мне приснился Соболев.

Я стояла на лестнице, а он протягивал руки, словно хотел обнять. И вдруг я стала падать. Причём как в замедленной съёмке. И вот лежу я на ступенях, они больно впиваются мне в рёбра, но сдвинуться не могу и подняться тоже, а шею так и вовсе, кажется, чуть не свернула. А Соболев возвышается надо мной. И нет чтобы помочь - смотрит, смотрит, абсолютно безмолвно. А я сержусь, даже ругаюсь, мол, какого чёрта он стоит, лучше бы помог встать. Но тут неожиданно Соболев начинает вдруг говорить с какой-то стати голосом отца и даже его словами: все работают, а я тут лежу-отдыхаю, совести у меня нет. Мне обидно и больно, а он всё равно кричит на меня. Я в сердцах бросаю ему в ответ:

- Пошёл к чёрту!

Он сразу замолкает, но тут я вижу, что это и не Соболев вовсе, а действительно мой отец. И постепенно понимаю, что это уже не сон и последнюю фразу я, похоже, произнесла вслух. Потому что отец выкатил на меня глаза похлеще, чем утром, а потом прошипел:

- Ты у меня поговоришь.

Позже, дома, отец, конечно, всё мне припомнил, и я замучилась доказывать, что просто не спала накануне всю ночь, не выспалась, вот и сморило нечаянно. Но он всё равно весь вечер клевал мой бедный мозг по поводу того, как надо работать на работе.

И как я ещё с ума не сошла!

21

На второй день рекламщица Марина позвала меня во время обеда в кофейню, к счастью, вполне сносную. Там оказалось чисто, прохладно, кофе неплох, кексы свежие и заказ не пришлось долго ждать.

- Ну и как тебе у нас? - полюбопытствовала Марина.

- Не определилась ещё, - пожала я плечами.

- А почему ты выбрала именно пресс-службу?

- Отец выбрал, не я.

- А до этого ты кем работала?

- Никем, - односложно и холодно ответила я, давая понять, что её болтовня мешает обедать.

- А, ну да, - кивнула Марина. - Училась... А я три года назад универ закончила. Маркетинг и рекламу. А ты кто по специальности?

Вот ведь пристала!

- Никто, - отрезала я.

Она наконец заткнулась, опустила глаза, явно решив, что я просто не желаю разговаривать, вот и отбрила её. Мне стало неловко, и я почти миролюбиво пояснила:

- До вчерашнего дня я нигде не работала, а из универа меня отчислили на третьем курсе.

Зачем только? После моих слов эта рекламщица уставилась на меня чуть ли не с жалостью (ненавижу такой взгляд!) и затем выдала:

- Если вдруг тебе будет что-то непонятно или помощь понадобится - обращайся...

Потом, видать, решила разбавить возникшую натянутость и со смехом добавила:

- А Стас, гляжу, к тебе уже вовсю клинья подбивает.

- Угу, замучается подбивать.

- Он настырный, - предупредила она, а потом вдруг спросила: - А вы давно знакомы с Вадимом?

- С Соболевым? Не очень, - уклончиво ответила я.

Вспоминать обстоятельства наших с ним двух первых встреч мне совершенно не хотелось.

- Мне кажется, ты ему нравишься, - сообщила Марина.

- Как я успела заметить, ему все нравятся, - я скроила, как умела, покер-фейс.

- Ну, может, не все, но отчасти ты права... он такой, да... к красивым женщинам неравнодушен...

Я пожала плечами, мол, мне без разницы. Но она не отставала:

- А он тебе что, не нравится? Нет? Совсем?

- Он женат ведь, ну или почти женат... А для меня женатый мужчина - не мужчина.

Это я, между прочим, процитировала маму. Так она неоднократно повторяла, хотя, как оказалось, жена Анатолия вовсе ей не мешала. Но, как я теперь знаю, мама была полна сюрпризов.

- На ком это? - неподдельно удивилась Марина, поглощая третий кекс.

Аппетит у неё был отменный. И это неожиданно мне понравилось. Все мои подруги и знакомые вечно сидели на диетах, а я вот тоже люблю вкусно поесть.

- Да откуда же я знаю. Видела его с блондинкой какой-то на корпоративе...

- О! Корпоратив, - усмехнулась любительница кексов. - Ты, кстати, отпадно выглядела, я тебя сразу заметила. Правда, ты быстро исчезла. А Вадим, насколько я помню, был там со своей бывшей. Это Алла. Она тоже здесь работает, в планово-экономическом. Зануда редкостная. С

тех пор, как они расстались, отыгрывается на всех нас. Ну, в смысле, на нашем отделе. Постоянно бюджет нам урезает, говорит, денег нет, хотя раньше на всё всегда хватало. Заявки по три дня маринует, а иногда надо прямо срочно... Короче, тупо мстит и не даёт нормально работать. Но не будешь же к Сергею Ивановичу с такой мелочью бегать каждый раз, вот она и упивается.

- Если она бывшая, то зачем он... - я осеклась.

Если скажу «руку её держал», то это так глупо будет, словно я за ним следила. Но Марина и без уточнений меня поняла.

- Да просто, по старой памяти сели вместе. Не чужие же. Хотя нет! Нас же кадры рассаживали! Ещё эти таблички с именами разложили. Юлька же наша тогда страшно расстроилась, что Вадима усадили не за наш стол, а к экономистам. А я уверена, что Алла сама и подговорила кадровичек, чтобы они его поближе к ней пристроили. Помирились, наверное, хотела. Подпоить и всё такое. Но, по ходу, ничего у неё не вышло.

- Почему так думаешь?

- Девчонки говорят, что они выясняли отношения вечером, и Алла потом плакала. Да оно и видно - с того дня они не общаются больше.

Я не знала, что ответить и просто улыбнулась, типа, всё понимаю. А реклашица вдруг смутилась, даже порозовела.

- Ты не думай, я сплетни не собираю. Они сами меня находят.

- Ну ещё бы, - хмыкнула я. - Женский коллектив без сплетен - это фантастика.

- Точно! - поддакнула Марина и, уже не заморачиваясь, выложила ещё тонну подробностей про папину контору и её обитателей. Ещё бы знать, кто все эти люди.

- Ты мне лучше про наш отдел расскажи, - прервала я её рассказ о каком-то ненормальном программисте.

Марина на секунду замешкалась, сморгнула, но быстро переключилась.

- Нууу... Соня, наш редактор, работает дольше всех из нас. Если не считать Вадима, конечно. Ей почти тридцать. Не замужем. Детей нет. Она спокойная, нормальная, только, может, замкнутая, хотя с Юлькой вон общается. Или Юлька с ней. Ну а Юля - это Юля, - реклашица криво улыбнулась. - Она бывает, конечно, противной, но с ней не соскучишься. В общем, сама скоро узнаешь. Славик по ней сохнет. Жалко его, он хороший парень, добрый, отзывчивый, простой. А вот Карих, в смысле, Стас... этот себе на уме. Но оператор отличный. Он раньше, пока в институте учился, снимал на заказ. Ну, там свадьбы, юбилеи, выпускные, потом фильмы монтировал, эффекты всякие накладывал, дорожки звуковые. Очень здорово получалось, я видела парочку. У него свой канал на ютубе был, может, и до сих пор ещё жив. Хотя он теперь заказы не берёт. Даже мы с Ваней, - ну это мой жених, у нас в сентябре свадьба, - никак не можем его уговорить. Променил наш Стасик творчество на стабильность, - вздохнула Марина, покосилась на часы и, округлив глаза, воскликнула: - А! Уже без семи два! Ничего себе мы с тобой заболтались.

Едва мы выскочили из кофейни, как она припустила со всех ног, ещё и меня за собой рывком потянула:

- Давай! Если поторопимся, то, может, не опоздаем.

- Нет, нет, нет, - высвободила я свою руку. - Беги одна.

- А, ну да, - понимающе улыбнулась реклашица. - Тебе-то опоздать нестрашно. Тебе же Сергей Иванович ничего не сделает. Ну а я тогда побежала.

И она действительно помчалась бегом, как хороший спринтер. Только ошиблась она - мне за опоздание от отца, может, ещё больше прилетит, чем кому-либо, но нестись на шпильках... нет уж. Ноги дороже.

А отец, может, и не узнает. Электронный пропуск мне выдадут только завтра, так что система мой запоздалый приход не зарегистрирует, а охранники вряд ли доложат генеральному

директору, что его дочь с обеда вернулась на несколько минут позже. Осмелев, я даже завернула по дороге в магазин, купила бутылочку с водой и пакетик с фруктовыми леденцами.

Я уже подошла к крыльцу, как двери здания распахнулись и мне навстречу вышел отец. У закона подлости сбоев не бывает.

Хорошо хоть, отец куда-то спешил, цепляться не стал, но позже, дома, клокотал, наверное, целый час, пока Вера его не увела.

22

Отец, видать, не только мне гайки подкрутил, но и Соболеву. Потому что тот и впрямь взялся за меня всерьёз. Рыжего, ну то есть, Славу обязал обучить меня минимальным офисным навыкам.

За неделю с лишним я запомнила, кого и как зовут, подружилась с рекламщицей Мариной, научилась пользоваться МФУ*. Причём не просто на кнопки нажимать, но и менять, допустим, картридж или извлекать из его нутра зажёванную бумагу.

(* МФУ - многофункциональное устройство; включает в себя сканер, копир, принтер и факс)

Ещё усвоила, что если в аутлук нажать «ответить всем», то твоё сообщение все и получают. Так что, когда пишешь Рыжему, чтобы он вместе с Соболевым отстал от тебя, а уж тем более когда обсуждаешь Соболева с Мариной, надо быть очень, очень осторожной.

Такие вот у меня практические достижения.

Хуже обстояло с теорией, точнее, с информацией. Соболев решил, что мне жизненно необходимо знать всё про отцовскую компанию от истории возникновения до особенностей производства.

И если историю я ещё худо-бедно освоила, хотя ума не приложу, зачем мне знать, допустим, в каком году произошло слияние завода металлоконструкций и завода машиностроения. Или же когда внедрили новые технологии и запустили новые серии. Ну да ладно, кое-как запомнила и отчиталась.

Однако вопросы производства - это для меня дремучий-дремучий лес. Ну, выпускают что-то металлическое и ладно. Зачем мне знать, как и что? Какая мне польза оттого, что я буду понимать разницу между одноочковыми дюкерами и многоочковыми? Все эти траверсы, анкеры, скобы, опоры, рамы, эстакады - оно мне как вообще может пригодиться?

Но Соболев оставался глух к логике и к моему отчаянию. Каждый день, ближе к вечеру, вызывал меня в свой кабинет и нагружал по полной программе. Заставлял читать, запоминать, отвечать на муторные вопросы. К концу второй недели я уже возненавидела этот дурацкий завод.

Сообщения от Соболева, а вызывал он меня через локальный чат, рождали какое-то двойственное ощущение.

С одной стороны, темы наших бесед - это скука смертная. А с другой... ближе к пяти я уже ждала, когда всплывёт в нижнем углу экрана окошко с неизменным «Ангела, зайди». И когда оно наконец всплывало, внутри всё как будто натягивалось звенящей струной.

Я силой воли заставляла себя оставаться невозмутимой и не мчаться сию секунду на шестой этаж. Выжидала пять минут, потом только поднималась к нему, а по пути непременно наведывалась в уборную - инспектировала свой внешний вид, там зеркало во всю стену.

При этом сама себя не понимала - ну не плевать ли, как выгляжу? Было бы перед кем красоваться. Мне ведь такие, как Соболев, по жизни совершенно не нравились. Я не о внешности, внешность для меня дело десятое. Я - в целом. Офисные клерки эти - унылая тоска! А фанатичные трудоголики, которые живут работой, меня вообще пугают. Как такие люди могут быть интересны, если они говорят и думают только о работе?

И внешне, кстати, он тоже совсем не мой тип. Мой тип - это, скорее, голубоглазые блондины. В общем, такая, холодная, аристократичная красота. А этот...

И тем не менее. Вопреки смыслу и собственным доводам, я шла по коридору и внутренне замирала, как перед прыжком с трамплина. Открывала дверь его кабинета и невольно задерживала дыхание. Затем останавливалась на пороге: вызывали?

Соболев обычно вставал из-за стола, делал несколько шагов навстречу, сунув руки в карманы, но близко не подходил. Останавливался в двух-трёх метрах. С блуждающей полуулыбкой бегло оглядывал меня с ног до головы, потом отодвигал один из стульев и кивком приглашал меня присесть. А сам возвращался на своё место или же садился на другой стул, напротив.

Я старательно принимала строгий вид, хотя, глядя на него, тянуло улыбаться и вообще вести себя совсем по-другому. Но я же на работе! Так что крепилась, как могла, чтоб только он не разгадал мои тайные помыслы.

А это, между прочим, очень сложно, потому что Соболев глаз с меня не сводил. И при этом выражение у него было такое, словно он думает одно, а говорит другое.

Говорил он действительно серьёзные, скучные вещи, но какой при этом был у него взгляд! Обволакивал, обжигал. Особенно когда останавливался на моих губах. А когда в глаза смотрел, казалось, проникал глубоко-глубоко и понимал всё, о чём я думаю.

Мне горячо становилось от его взгляда, хотя кондиционер исправно хранил в его кабине прохладу. У меня кровь гудела в венах и всё внутри поджималось. Но я ещё усерднее делала непроницаемое и безразличное лицо. Абсолютно не надо Соболеву знать, как на меня действуют эти его взгляды и он сам.

К тому же, он ведь тоже никаких намёков себе не позволяет. Близко не подходит, рядом не стоит, разговоры ведёт строго по делу, ну вот только смотрит. Ну и иногда подкалывает меня. Никак не забудет «лакея».

Я в таких случаях всегда теряюсь, не знаю, что сказать, потому что шутить совсем не умею, а отвечать на шутку серьёзно - это глупо. Поэтому молчу и строю из себя айсберг в океане. И тогда он отпускает шпильки про «госпожу» ещё больше. В общем, замкнутый круг.

Ой, лучше бы даже подкалывал, чем эта муть про папочкин завод.

- Ты хотя бы усвой преимущества наших технологий, ну и перечень того, что мы производим, - попросил он сегодня. - Это же элементарная база, без которой тут никак. Пойми, мы, в смысле, наш отдел, пишем статьи, выпускаем рекламные брошюры, пресс-релизы, готовим речи для выступлений, общаемся с прессой и телевидением, в конце концов, привлекаем новых партнёров. Это было бы попросту невозможно, не владей мы нужными знаниями.

Я молчала. Мне не хотелось ни спорить, ни соглашаться. Он прав, наверное, но я же не виновата, что мне это совсем неинтересно.

- Я отцу твоему обещал... Ладно, - он посмотрел на часы, - иди, уже рабочий день закончился. Подумай о моих словах.

Я кивнула.

Мда, я и так о тебе, Соболев, думаю больше, чем нужно. Этого я, естественно, вслух не сказала.

- Анжела, - окликнул он меня, когда я уже потянулась к ручке двери.

Оглянулась - он снова встал, скрестил руки на груди, в глазах - знакомая усмешка. Начинается! Я сразу приняла подобающий вид, холодный и непроницаемый. Я - айсберг.

- Да, Вадим? - спросила невозмутимо.

- Мне двадцать восемь, день рождения у меня - седьмого августа, живу один, в Солнечном, точный адрес назвать?

- Что? - я растерянно захлопала глазами.

- Ну я решил, что, может, лучше сам отвечу на твои вопросы. А то Марина вроде с обеда на выезде, будет поздно или вообще завтра.

Я, кажется, превратилась в столб.

Боже, ведь я правда сегодня, переписывалась с Мариной по электронной почте и спросила её, в каком районе живёт Соболев. А про день рождения спрашивала позавчера. А два дня назад писала ей, как он меня достал. А ещё раньше подтрунивала над его внешним видом. Ну, он в самом деле на той неделе пришёл на работу во вчерашней рубашке, небритый, взъеро-

шенный, хотя всегда такой щёголь и аккуратист. Ну понятно же, что ночевал не дома, а раз не дома, значит, у кого-то, с кем-то... В общем, своими наблюдениями я и поделилась с Мариной. Ещё и спросила, как дура, уж не помирился ли он со своей бывшей.

Всё это пронеслось у меня в голове за одну секунду, и мне стало дурно. Жарко и тошно. Но, чёрт возьми, откуда он это узнал?

Наверное, на моём лице отразился шок, потому что Соболев, довольно хмыкнув, сподобился объяснить про эту злосчастную функцию «ответить всем».

Я даже сказать ему ничего не могла, просто стояла и тарасилась на него. А он... ну он-то, конечно, всю забавлялся произведённым эффектом. Потом я выскочила вон.

Я, кажется, утверждала, что никогда не краснею? Я ошибалась!

23

Без пяти шесть прилетело сообщение от Соболева.

В этот раз он слишком припозднился, уже домой пора.

Если честно, я вообще надеялась, что сегодня обойдёмся без вечернего ликбеза. Просто после вчерашнего мне жуть как неловко смотреть ему в глаза. Стоит только вспомнить, как сразу кидает в жар.

Да и настроения никакого. День выдался какой-то дурацкий.

Марина после обеда исчезла - опять носилась по городу, какие-то места под баннеры выбивала. Я не люблю, когда она на выезде, без неё вообще тут со скуки повеситься можно.

С Юлей и редакторшей Соней никакого общения не складывалось. Обе на своей волне, а на меня только косятся настороженно. Рыжий, то есть Слава, конечно, ничего, но страшный зануда.

Ну а Стас Карих... вот он осточертел до невозможности. После его забегаловки с «классным бизнес-ланчем» он хоть на обед больше не звал, но постоянно лез со всякой ерундой. Шутит не в тему, надоедал, вставлял к месту и не к месту двусмысленные фразочки, кидал мне какие-то картинки и мемы - всю почту захламил. Потом придумал позвать меня в клуб. В «Капкан»! Я там ни разу не была, но наслышана, что туда ходит одна гопота и малолетки, вместо приличных коктейлей подают бурду и по уборным всякая пьянь обжимается. Плюс, там могут тебя побить, изнасиловать или ограбить. Зато в баре демократичные цены, а по пятницам для девушек бесплатный вход. В общем, заведение сильно на любителя.

Я, само собой, отказалась. Ещё бы я в такую клоаку не ходила. Он на несколько дней утих, но вчера снова приставал. Теперь уже с боулингом. Еле от него открестилась.

В общем, Марина - единственная, с кем я нашла общий язык, но она, как назло, постоянно в разъездах.

После обеда Слава опять накидал мне кучу статей о производственных мощностях «Мегатэка». Я пробежалась взглядом по первым абзацам и тотчас захотела спать.

- Ну и зачем оно мне?

- Это надо знать. Скоро же форум! - сказал он так серьёзно, строго и торжественно, как будто скоро война и без этих знаний мне не выжить.

- Что за форум? - вяло поинтересовалась я.

- Промышленный форум. Туда из разных городов приедут руководители крупных компаний. Горнодобывающих, металлургических, машиностроительных. Куча инвесторов будет, в том числе зарубежных. Министр должен быть, - важно добавил Слава. - Ну и пресса с телевидением, само собой.

- Ну и чем там занимаются, на форумах?

- Выставки проводят, круглые столы, участвуют на пресс-конференциях, выступают... Компании показывают, чего достигли, хвастаются прорывами технологий, инновациями всякими. Ну и главное, привлекают новых партнёров, клиентов и инвесторов. А в этот раз там сам Кравитц будет. Вот на него вообще сейчас охота идёт. Ну, в смысле, все хотят с ним контракт заключить.

- Что за Кравитц?

Не то чтобы мне было сильно любопытно, кто такой Кравитц, на которого все охотятся, скорее, просто от скуки поддержала разговор.

- Нефтяник же. Неужто не слышала? Основатель и главный акционер «Иркутскнефти». Вот он - золотая жила. С ним Сергей Иванович даже лично общался. Особые условия ему предлагал.

- И что?

- И ничего, - пожал плечами Славик. - Кравитц сказал, что до форума он принимать никакие решения не будет. Сергей Иванович его даже на празднование юбилея компании приглашал...

- Это вот на тот корпоратив, что был за городом?

- Угу. Но Кравитц отказался.

- Понятно, - я постаралась, чтобы голос у меня не прозвучал злорадно. Хотя меня чрезвычайно повеселило, что кто-то послал папочку. Выходит, не такой уж он и всемогущий. И мне уже заочно нравится этот неведомый нефтяник.

Потом Славик спохватился, что не написал статью в какую-то газету и вернулся за своё рабочее место. Я притворилась, что изучаю производственные мощности, а сама стала читать «Колыбельную» Паланика. Уж лучше бы читала про мощности. Хотела скоротать день, а в результате испортила себе настроение. Жуткая книга!

Я закрыла сайт электронной библиотеки. До конца рабочего дня оставалось ещё полчаса. Марина так и не вернулась. Рыжий со Стасом куда-то вышли, я даже не заметила.

- ... ну, на ней что угодно будет висеть, как на вешалке, - фыркнула Юля.

- Да, но всё равно можно найти по фигуре, - бубнила Соня.

Говорили они вполголоса, но от нечего делать я прислушивалась, поначалу даже не пытаясь угадать, кому там кости моют эти тихушницы.

- Ой, где ты там фигуру увидела? - хихикнула Юля. - Но ты права, можно хотя бы что-то поприличнее подобрать. Эти её китайские шмотки - позорище просто. Уж её-то зарплата позволяет покупать себе вещи не в Джой Фэмили.

- Она же экономит. На свадьбу копит.

- Представляю, какая убогая там будет свадьба. Что говорить, если она платье себе на AliExpress выбирала. Ваня её, поди, костюм с выпускного напялит. И банкет, наверняка, в какой-нибудь затрапезной столовке устроят. Я даже не пойду. Нафиг нужен этот отстой.

Нет, я понимаю, что все сплетничают. И я порой не прочь. Но мы же с Мариной, вроде как, общаемся по-дружески. Это, наверное, нехорошо - слушать, как её за глаза полощут, и молчать? Ну и потом, я злилась и скучала. А это хоть какое-то заделье, плюс возможность поделиться дурным настроением. Так что вставила и я в их беседу свои пять копеек.

- Понятия не имею, что такое Джой Фэмили, но, поверь, отстой - это с гордым видом носить паль и критиковать других.

Юля метнула в меня красноречивый взгляд.

- Не поняла, это ты на меня, что ли, намекаешь?

- На тебя и на твой типа Гуччи.

Она как-то странно, пятнами, покраснела. Несколько секунд молчала, потом процедила:

- Ты ошибаешься, Анжела.

Мне аж смешно стало.

- Я многого не знаю, чего знаешь ты, но уж известный бренд от пали отличу без труда, будь уверена. Так что можешь пыль в глаза не пускать своим поддельным Гуччи.

В кабинет вернулся Слава и застал последнюю мою фразу. Он аж вздрогнул, бедняга. Сначала растерялся, потом посмотрел с сочувствием на Юлю, которой, судя по выражению лица, очень хотелось мне ответить, но благоразумие не позволяло так рисковать. Поэтому она молчала, глядя на меня и

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.